

Артём Горохов

Вирус

Артём Горохов

Вирус

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Горохов А. А.

Вирус / А. А. Горохов — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Вирус возник неожиданно и в считанные месяцы уничтожил практически всё человечество. В живых остались считанные единицы. Нет государств, нет денег и границ, нет ничего, что могло бы разделять людей, но это не повод жить в мире! Ник прячется в закупоренной квартире, боясь заразиться, но выйти наружу и столкнуться с совершенно новым миром ему всё-таки придётся! А что будешь делать ты, когда придёт вирус?

Содержание

Глава 1. И пришёл Вирус	5
Глава 2. Один	23
Глава 3. Тишина в эфире	29
Глава 4. Утро нового дня	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1. И пришёл Вирус

С похмелья болела голова, но будильник зверел, заводя все свои 48 колоколов собора Парижской богоматери. Охая и покачиваясь, я был поднесён подгибающимися ногами к деревянному столу, стоящему посреди комнаты, где красовалась в лучах восходящего солнца бутылка газировки.

По мере того, как вода наполняла желудок, я стал ощущать босыми ногами холодный пыльный пол, а уши стали разбирать в отзвуках набата будильника лепет репортёров утренней передачи, которую вещал телевизор, проработавший всю ночь.

Вот так, запрокинув голову, глотая воду и почёсывая свободной рукой живот, я узнал о вирусе.

Многие задавались потом вопросом, что они делали, когда слышали об эпидемии? Я вот стоял босиком, почёсывая живот.

Когда появились первые новости о болезни, никто не обратил на них внимания. Это было начало мая 2016 года. Где-то в Африке люди стали попадать в больницы с жалобами на высокую температуру и плохое самочувствие. Но кого это могло интересовать после птичьего, свиного, чёрт его знает какого гриппа, лихорадки Эбола, Зика и другой заразы, которая вспыхивала и затухала время от времени.

Иностранный репортёр в медицинской маске салатового цвета, активно жестикулируя, рассказывал о том, что вирус распространяется невероятно быстро. Медики-де не определили, как он передаётся, но видимо любые контакты с вирусоносителем неизбежно приводят к заражению. Эпидемия неизвестного прежде заболевания распространялась со скоростью чиха.

Я, как и все тогда, плюнул на это. Мало ли чего происходит. Фармацевтические корпорации на одних медицинских масках и противовирусных препаратах заколачивают миллиарды долларов, благодаря таким вот «вспышкам» и «очагам».

Очередной рабочий день в мэрии не предвещал никаких радужных событий. «Мы живём и работаем в дерьме, чтобы купить дерьмо нам не нужно», – крутилось в голове.

На телефоне дважды высвечивался номер жены, с которой мы уже второй месяц жили раздельно. Всё и так шло к разводу, так что эта кутерьма меня не особо беспокоила. Детей у нас не было, поэтому меня волновало только то, что это сожрёт уйму моего времени и истончит кошелёк. Да ещё нужно будет выслушивать увещевания родственников, насмешки коллег и сплетни соседей. Изжога, как говорится.

Работа, если честно, давно опостылела. Люди, снующие по мэрии в поисках справок, подписей и печатей никогда не иссякали. Они не исчезли бы, убивайся я на работе с утра до ночи без выходных. Мало того, это бы не сделало их довольными. Они точно так же ворчали бы про коррупцию и бюрократию. Даже говорить про это не хочется.

Короче говоря, чтобы вы поняли, что я представлял из себя до вируса, я добавлю два слова: офисный планктон.

За чашкой кофе, переменяя вордовские документы страницами Интернета (преимущественно социальных сетей) я наполнял свой обленившийся мозг чужими впечатлениями и открывал уши рупорам пропаганды. Да, и при этом мне не стыдно. Это не я сделал себя таким. Не мы стали, а нас сделали такими. Общество потребления. Потребление пищи, товаров, услуг, информации, людей...

Порой, конечно, я замечал за собой зависимость, но это было моим счастьем – удовлетворить простые потребности в питании и коммуникации.

Была среда, так что после работы мы с коллегами как обычно шли в бар «Мужской уголок», чтобы накачаться пивом, обсудить наших и не наших женщин, спортивные матчи, новинки техники и автомобилестроения. Мы просто отмечали половину недели, заливаясь пенным напитком. Конец недели мы праздновали в каком-нибудь клубе.

Вот так и шла наша жизнь до вируса, который изменил всё. Мы праздновали середину и конец недели, в другие дни по расписанию было предусмотрено посещение супермаркета, престарелых родственников, прачечной, любовницы (кому посчастливилось её заиметь) и развлечение детей (кому не посчастливилось их заиметь). Потом мы ждали праздников, чтобы прогулять ещё один выходной, и конечно ждали лета, чтобы уехать к морю и там две недели прожить, стараясь каждый день превратить в праздник.

Сегодня в «Мужском уголке» мы заседали в урезанном составе. С нами был молодой клерк, которого все называли Пьер (он очень хотел влиться в коллектив, поэтому плёлся за нами, куда бы мы ни пошли), Сергей – начальник отдела статистики, давно собирающийся на пенсию (ему устроила разнос жена, поэтому он решил «надраться», как он сам сказал и теперь пускал сопли), а также лысый Алан, который считал себя мачо и не упускал ни одного шанса, чтобы сверкнуть глазками какой-нибудь женщине, когда та проходила мимо него, а потом качнуть головой и подмигнуть нам, когда она удалялась.

Ещё двое коллег прогуляли наше благородное собрание.

–Посмотрите! – неуверенным голосом запищал Пьер, – эпидемия нового вируса. – Он указывал на телевизор, который висел над барной стойкой. – Я сегодня читал про это.

Сергей, который, полулежал на стойке, оперев голову о правую руку, даже не повернулся в сторону телевизора.

–Ой, сколько можно про это говорить?! – раздражённо фыркнул он. – Каждый день то там что-то случится, то здесь. Меня это всё касается?

Пьер, решив, что сказал что-то лишнее, молчал, но Сергей хотел разговора и продолжал вопрошать.

–Касается? Я спрашиваю!

– Нет ... наверное.

–Точно не касается! Война на ближнем востоке, ИГИЛ, выборы в Греции и Америке, беженцы в Европе – всё это меня не касается и не интересно, следовательно. Вот жили бы мы раньше, так и не знали про все эти проблемы. И тоже нам не было бы ни холодно, ни жарко. А теперь даже если ты сыт и обут, и в тепле, то ты должен переживать за что-то.

Я не слушал их разговор, сконцентрировав всё внимание на экране. Там ведущие из штанов выпрыгивали, страдая новостями о стремительном распространении нового вируса по чёрному континенту. На карте мигали красные точки – места, где были зафиксированы очаги заболевания. Потом показывали врачей в комбинезонах, которые общались с больными, а также специальные сканеры в аэропортах Африки, которые выявляли людей с повышенной температурой тела. После этого ведущая напомнила, что вирус пока что никак себя не проявляет. У больного наблюдаются симптомы ОРВИ, которые проходят через несколько дней при лечении противовирусными препаратами. Врачей смущает только скорость распространения инфекции. Кажется, что она распространяется по воздуху, а также от взгляда на больного или при мысли о нём. Это, была неуместная шутка, призванная разрядить обстановку.

После этого последовали новости из Донбасса. Ну вот, значит простуда уже более важна, чем война.

–Вы уже надоели своим гомоном! – возмутился Алан. – Вы лучше посмотрите, какая там тёлочка! – он весело мотнул головой и подмигнул.

Все посмотрели в ту сторону, куда он указывал, и продолжили свой разговор.

Алан помрачнел, допил пиво, встал и направился в сторону незнакомки. Это было нарушением правил, так как обычно в баре мы с женщинами не знакомились. Для этого был клуб.

Бар должен был быть пристанищем мужского духа, мужской солидарности, где плечё друга важнее бёдер подруги...

– Вот в воскресенье будут муниципальные выборы в нашем районе – вот это важно! – учил Сергей. – Вот ты, Ник, пойдёшь? – обратился он ко мне.

– Вот ещё! – буркнул я в ответ.

– А что же так? – он переключился на меня, оставив в покое Пьера. – Это демократия – достижения многих столетий борьбы.

– А мне до лампочки кто там избирается в префекты. Я не баллотируюсь и не голосую. Это тоже моё право!

– Право! – согласился Сергей, думая, что возразить.

– И плевать я хотел. – Я подзадоривал Сергея. – Вот ты говоришь что Африка – неважно. А мне и муниципальные выборы не важно! У меня есть работа, бар, клуб, социальные сети и вы! А остальное – муть!

Сергей заулыбался.

– Вот это здравая мысль!

– Это даже больше, чем мысль, это – тост! – я поднял бокал.

– За что? За что пьём? – интересовался вернувшийся Алан.

– За мужскую дружбу!

– Ах, хорошо! Видали да, дала мне свой ник в сети! Всё, дело сделано! – он с довольным видом пригладил три волосинки на блестящей голове.

– Можно сделаю с вами селфи? – спросил Пьер.

На Петю внимание никто не обратил, но он достал смартфон, включил фронтальную камеру, потом свободной рукой показал значок «победа» и аппарат щёлкнул несколько раз.

После этого с довольным видом он стал просматривать получившиеся снимки, выбрал один и разместил на Фейсбуке подписав «Вот так с друзьями отдыхаем после рабочего дня». Я поморщился и отвернулся, глянув на часы. Обычно мы не засиживались позже одиннадцати, но сейчас было только 9-20, а мне очень захотелось домой. Я снова поморщился.

– Пойдёмте хоть в дартс сразимся!

Утром мне на Фейсбуке пришли новости моих «друзей» – Алан показывал фотки со стены своей вчерашней подруги Natali Rose, а Пьер поделился новым фото «Вот так с друзьями отдыхаем после рабочего дня».

Я послушно поставил оценки и прокомментировал посты и фотки своих «друзей», пролистывая новости о всё новых и новых сигналах о распространении вируса. Кажется, его называли H3N05 или C2H5OH. Хотя, разницы для большинства никакой.

В сетях уже стали появляться статусы типа «Ем чеснок», «Не дышу» или «Защити нас, Dr. Web».

В обед по настоянию нашей веганки Анжелы мы дружно пошли в «Здоровое кафе», где нам принесли свежавыжатые соки, фруктовые и овощные салаты, блюда без мяса, травяной чай. Всё это выглядело очень ярко, и мы тут же достали смартфоны, чтобы сфоткать эту невкусную пищу. Сразу несколько страниц в Инстаграм пополнились красочными картинками. Наблюдавшая за этим официантка подождала, пока все разобрались со своими мобильниками, и с улыбкой сообщила нам, что за размещение фотографий и постов в социальных сетях «Здоровое кафе» предоставляет нам скидку в 5%.

Мы дружно одобрительно замычали. Что и говорить – очень приятно!

– У меня вот собственный рецепт борьбы с гриппом! – заявила Анжела, причмокивая пухлыми, полными коллагена губами. – Здоровое питание, лимон, шиповник, ромашка, плюс фитнес – вот гарантия, что эпидемия пройдёт стороной.

Я смотрел, как она пытается жевать по-рекламному. Отправляет в рот маленький кусочек репки и жуёт так, словно запихала туда целый бургер. Хотя тут же мне пришла мысль, что она старается максимально разжевать эту репу, чтобы облегчить работу желудка. Наверняка говорит с нами, а сама считает, сколько раз прожевала этот кусок.

– Грипп, вы имеете в виду ОРВИ? – устало спросил Сергей. Ему меньше всего хотелось идти в это кафе, да ещё и с нами. Потом в «Мужском уголке» он поделился с нами, что думал, будто Ангела его одного позвала на веганский обед.

– Ну грипп. Любой... Тот который сейчас идёт. Любой. Это вопрос иммунитета.

– Я и говорю о том, что это наверное не ОРВИ. Есть же кишечный грипп, а это ещё какой-то.

Ангела нервно дёрнула головкой.

– Ну что вы, Сергей? Я только хочу сказать, что люди с крепким иммунитетом болеют меньше. Любым гриппом.

– Успокойтесь, – примирительным тоном обратился я. – Если этот вирус правда передаётся от мысли или взгляда, то переболеем все. Это не страшно.

– От чего умер ваш дедушка? – От гриппа! – О, так это не страшно! – сквозь смех выдавил из себя старый анекдот Пьер.

Все заулыбались, решив сменить, наконец, тему для разговора. Мне хотелось ещё сказать, что первые случаи заражения новой инфекцией уже зафиксированы на Европейском континенте, но я со своей репликой опоздал. Пришлось довольствоваться старым анекдотом.

Вечером я прибежал домой, впопыхах залил лапшу быстрого приготовления кипятком и включил компьютер. С моими виртуальными друзьями мы сегодня условились в семь часов встретиться в WOW. Так что опаздывать было нельзя.

Напялив наушники и негромко включив в них Radiohead, я откинулся на спинку кресла, положил на столе перед собой смартфон и в ожидании опоздавших, стал есть лапшу. Как ни странно, она была гораздо вкуснее веганской репы на постном масле. Я стал вспоминать, как называется минеральное удобрение, которое также используют в пищевой промышленности для усиления вкуса. Слово никак не шло на ум. «Супермен» какой-то...

– Ник, тащи свою жирную задницу на центр! – голос в наушниках заглушил музыку.

– Закрой свою пасть! – со смехом ответил я. – Ты с воином говоришь, так что следи за тем, чтобы из неё не воняло!

– Я маг! А ты – плебей! Воздай мне достойное уважение! – получил в ответ я.

– Молчать, салаги! – подключился третий голос. Он закашлялся в микрофон, так что я поморщился от громкого звука. – Я вообще в постели играю с вами, а вы тут трепетесь!

Это был MegaBrain. Большинства из своих виртуальных друзей я никогда не видел вживую. Да и общались мы только в пределах игрового мира. Так что даже о здоровье спрашивать было не принято. В игре ты уже не человек.

– А что это там с тобой, Брейн? – спросил Alex1981, – Вирус?

– Ага, «I love you»! – почти выкрикнул Брейн, снова закашлявшись. – Сейчас как перезаражаю вас всех!

Мы все дружно засмеялись в микрофоны.

Игра закончилась почти в три часа ночи. За это время я ещё успел выпить кофе, энергетика, съесть чипсов и отклонить голосом несколько назойливых звонков. Я даже не видел, кто мне звонил.

В глаза словно песок насыпали. Отключив компьютер, я перебрался на кровать и завалился спать, даже не раздеваясь. Среди пропущенных вызовов был один от жены, а второй от одной девушки из клуба, с которой я пару недель назад замутил интрижку. Я не сохранял её номер и теперь даже не мог вспомнить её имени. Поморщившись, я откинул телефон и

сомкнул веки. Перед глазами по зелёному фону бегали цветные герои. В голове слышались только голоса персонажей игры. Вдруг телефон снова запищал, на этот раз информируя о пришедших сообщениях. Ругнувшись, я снова взял телефон в руку. Фейсбук рапортовал о новых событиях у моих друзей, а также о том, что на мои комменты кто-то ответил.

В следующий миг наступило утро. Моему организму было не привыкать к таким испытаниям, но мозг не работал. Я собрался на автопилоте и не стал бриться, чтобы быстрее купить в вендинговом автомате на выходе RedBull и выглядеть стильно.

Усталость была такой, что мозг отключался прямо с открытыми глазами. Я пытался развлекаться новостями и перепиской в Мейле, но ничего не помогало. Работать в такой ситуации было сродни изопрёрённой пытке над собой.

Браузер сообщил новость о том, что, по мнению врачей, вирус наносит непоправимый ущерб иммунной системе человека и его последствия гораздо опаснее, чем думали ранее.

Надо было что-то делать. Выхода было два – либо сказать больным и поехать спать домой, либо выдумать срочное дело и отлучиться хоть на полдня, чтобы поехать домой спать.

Я выбрал второй вариант.

Вернувшись в свою ещё не остывшую постель, я уснул сном праведника, поэтому не услышал объявлений главного санитарного врача о том, что вирус представляет серьёзную опасность для человека и для человечества.

Он заявил, что до конца не известен механизм передачи заболевания. Предполагается, что он передаётся главным образом воздушным путём, но его отличительная особенность в невероятной «заразности». Заболевание оказывало серьёзное воздействие на иммунную систему человека. В Африканских странах, где вирус был зафиксирован впервые, уже отмечены первые случаи смертельного исхода болезни. Предполагается, что умирали больные, организм которых был ослаблен ВИЧ или другими хроническими заболеваниями.

В странах Европы тщательнейшим образом следили за тем, чтобы не допустить на свою территорию заражённых людей. В аэропортах, портах и на вокзалах были усилены меры контроля. Всех, прибывающих из Африки пассажиров, у кого была повышена температура тела, отправляли немедленно в карантин. Остальные пассажиры, кто следовал вместе с предположительным переносчиком заболевания, брались на контроль и должны были в течение месяца наблюдаться в больницах по месту жительства.

Вирус продолжал распространяться по странам и континентам. Первые случаи уже были зафиксированы на Североамериканском континенте и в странах Азии.

Врач рекомендовал для профилактики традиционные средства поддержания иммунитета, а также противовирусные и иммуномодулирующие препараты. Потом прозвучали рекомендации на время эпидемии воздержаться от посещения людных мест, а в местах большого скопления народа надевать медицинские маски.

Конечно, посоветовать что-то другое они не могли. Они были бессильны.

Когда я вечером поехал снова на работу, чтобы там поставили «галочку», в общественном транспорте самые сознательные граждане уже ехали, нацепив маски, как хирурги. Я про себя посмеивался над ними. Зачем выставять себя идиотом, если ты всё равно подхватишь простуду, только позже остальных?

Забавляли маски с принтом улыбающихся губ или усов. Люблю я тех, кто вечно на позитиве!

Первое негативное проявление вируса я ощутил на себе уже в субботу, когда ближе к полуночи разогретые алкоголем мы в поисках любви и приключений приехали к нашему клубу. Там нас встретила табличка «Закрето. Карантин». Попинав ногами двери заведения и плю-

нув на неё по разу мы направились в другой клуб, где была тематическая вечеринка и нас не пустили, так как мы были не в той одежде.

Ехать в самое пафосное заведение города, которое находилось поблизости, мы не решились, так что вопреки традициям в субботнюю ночь мы оказались в полупустом «Мужском уголке», где искать новых друзей было равносильно поиску палм в Антарктике.

С горя мы стали устраивать алкогольный марафон по бедному меню бара, костеря при этом злополучный вирус.

После всего этого безобразия половину воскресения я проспал, а вторую провалился на диване.

Утро понедельника было мрачным и даже более мрачным, чем обычное утро понедельника. Я ощущал всем телом и разумом, что у меня украли мои законные выходные, а теперь ещё намериваются заставить работать.

Правда настроение моё странным образом поднялось, когда я спустился в метро. На платформе меня встречал эдакий фрик в медицинском респираторе, герметичных очках, похожих на плавательные и латексных перчатках на руках.

Я заулыбался, увидев его, потом отвернулся и достал телефон, одним нажатием кнопки активировав камеру. Я старался снимать незаметно и это у меня получилось, правда эффект от фрика был смазан благодаря тому, что добрая половина пассажиров также была в масках.

Я даже незаметно для себя прибавил шагу, чтобы быстрее поделиться прикольной фотографией с коллегами и выложить её в сеть. Впрочем, в офисе меня ждало некоторое разочарование: в соответствии с приказом руководства сотрудники, контактирующие с посетителями мэрии, должны были в обязательном порядке носить всё те же маски. Перед входом стояло небольшое пластиковое корыто с опилками и дезинфицирующим раствором. Ручки дверей были обмотаны мокрыми бинтами, прикосновение к которым оставляло на руках неприятный запах хлора. Открывая дверь, я поморщился.

В отделе только и говорили, что о первых случаях вируса в стране, о начале эпидемии и о том, как можно уберечься от болезни. Настроение моё упало, так что я даже решил не показывать фото коллегам, а довольствовался его размещением в Фейсбуке.

Обычно мы не работали напрямую с посетителями, но Анжела и Пьер ходили в масках. «Веди себя как мужик! – призывали бедного Петю. – Сними это тряпку!» В ответ на это он молчал из-под своего забрала. Наверное носить маску его заставила мама. Мы так и решили.

Шутки шутками, но подхватить заморскую заразу никто не жаждал. На каждого кашляющего и соплившегося сотрудника или посетителя посматривали исподлобья и со скрытой ненавистью.

Первой закашляла наша суперздоровая Анжела. «Да я вчера на ветру замёрзла!» – бормотала она в своё оправдание, но все её сторонились. Впрочем, она тогда действительно просто промёрзла, но на работе даже такому фаталисту и цинику, как я, пришлось натянуть маску.

Я помню тот злополучный день, когда Всемирная организация здравоохранения, сделала своё убийственное заявление. Думаю, его перевели на все языки и наречия Земли и транслировали потом нескончаемо.

Это было 31 мая. Я утром сидел у себя на кухне и за кофе с гренками пролистывал новости. Первой и главной новостью было выступление председателя ВОЗ, которое должно было начаться с минуты на минуты. Все сайты настоятельно рекомендовали просмотреть его. Некоторые отвели для этого сообщения полстраницы.

Я сунул телефон в карман своих мягких домашних штанов, взял кофе и переместился на диван. В запасе у меня было ещё 10 минут.

К моему удивлению для трансляции обращения абсолютно все каналы прервали свои программы и пустили бегущую строку с надписью «СРОЧНАЯ НОВОСТЬ». Стало как-то не по себе. В животе похолодело. Умеют они нагнать страха!

Председатель ВОЗ выступал из здания ООН в Нью-Йорке. Перевод был синхронный. Седовласый мужчина в светлом, как у Обамы, костюме, лет семидесяти читал с бумажки. Его голос заметно подрагивал.

–Всемирная организация здравоохранения обращается ко всем государствам, правительствам и всем людям. Это беспрецедентное события, но и причина его экстраординарная.

Всем вам известно, что около двух месяцев назад в одном из районов Королевства Свазиленд была зафиксирована вспышка неизвестного ранее вирусного заболевания.

Данный вирус отличается беспрецедентной скоростью распространения и заражения. Пути его распространения до конца не изучены, однако, предполагается, что его разносчиками могут быть не только вирусоносители из числа людей, но также и животные. Возможно, что заражение также происходит при употреблении воды.

Симптомы заболевания, которое получило неофициальное название «Чума XXI века» очень похожи на симптомы обычного ОРВИ. У больного повышается температура в пределах 38 градусов, раздражается слизистая оболочка горла, носа, глаз, появляется кашель. При стандартном симптоматическом лечении все проявления заболевания исчезают в течение нескольких дней. Именно по этой причине заболеванию изначально не было уделено должного внимания.

Теперь, после того, как инфекция достигла самых отдалённых точек Земного Шара, вирусологам удалось более детально изучить этот вирус.

Мы хотим, чтобы эта информация была донесена до каждого человека, где бы он ни находился...

Я сидел на диване, от напряжения со всей силы сжимая чашку с кофе в руке.

– Как оказалось, данное заболевание имеет губительные для человека последствия. После инфицирования вирус, как и ВИЧ, начинает изменения в ДНК человека. Это необратимые изменения, которые разрушают иммунную систему организма. Есть предположения, что это мутировавший вирус иммунодефицита, который теперь распространяется при любых контактах. – Председатель вытер лоб бумажной салфеткой и глотнул воды. – То, что первоначально принималось за победу организма над вирусом, оказалось его капитуляцией. Организм просто переставал сопротивляться болезни. В результате через 2-3 недели организм, лишённый своей защитной функции, погибает от какого-либо заболевания. Смерть наступает от ОРВИ, простуды, отравления, инфекционных заболеваний различной этиологии.

Он замолчал, замялся. Я приблизился к телевизору и опустил перед ним на колени. Председатель еле сдерживался, чтобы не расплакаться. Дело было дрянь.

ВОЗ призывает все страны бросить все силы на борьбу с распространением нового вируса. Сейчас доподлинно известно, что только работа в специальных костюмах биологической защиты может гарантировать защиту от вируса.

Нами спешно проводится тестирование антиретровирусной терапии на новое заболевание. Учёные во всём мире занимаются поиском вакцины.

Друзья! С такой угрозой человечество ещё не сталкивалось. Это опасность для всего человеческого вида! Мы призываем всех принять все возможные меры для локализации заболевания, изоляции заразившихся.

Мы просим отбросить все предрассудки и не паниковать. Рекомендовано отменить все массовые мероприятия, закрыть границы, приостановить работу государственных органов и частных компаний, насколько это возможно. Отчаянно призываем граждан не контактировать с людьми или животными, ограничить все возможные контакты. Оставайтесь в домах так долго,

как это возможно! Используйте для питья и приготовления пищи только воду после длительного кипячения и повторного хлорирования.

Не поддавайтесь панике! На борьбу с болезнью брошены лучшие умы и вместе мы найдём выход!

Это было шоком. ВИЧ, распространяющийся «от одного взгляда» – это ужасно. Я был настолько поражён услышанным, что не сразу заметил, как отчаянно вибрирует в моей руке телефон. «Отдел кадров» – высветилось на экране.

– Алло, – не своим голосом сказал я.

– Здравствуйте, Ник! – начала тараторить в трубку Паолина – девушка, которая устроилась к нам буквально на прошлой неделе. – В связи с объявленной эпидемией, на работу не выходить до особого распоряжения начальства. Следите за телевизором. До свидания!

После этого послышались гудки. Я не успел и слова сказать. Хотя, всё и так понятно – небось пришла раньше всех на работу, а тут – это. Вот и поручили обзвонить всех и предупредить, чтобы не выходили.

Я прошёлся по комнате, поглядывая на телефон, и решил набрать Сергея. Сначала женский голос просил подождать, так как абонент был занят, но почти сразу заговорил Сергей.

– Да, Ник, да, видел! Да, на работу не надо приходить. И извини, у меня дети в школе. Еду их забирать.

Снова гудки.

Я жаждал активной деятельности, очень волновался, но делать было нечего. Телевизор говорил что-то, но было не до него. Взгляд мой пал на открытое окно. Я непроизвольно задержал дыхание, и выдохнул, только заперев створки. Хотя этого тоже показалось мало. Отыскав большой ролл широкого скотча, я стал им заклеивать рамы окон и входную дверь.

От волнения меня трясло, а от активной деятельности на лбу выступил пот. Я решил, что у меня температура и чуть не грохнулся в обморок. Схватив градусник, сунул его под мышку и плюхнулся на диван. Положенные три минуты тянулись очень долго. На высунувшемся экранчике термометра росла температура. Достигнув отметки 36,4°C, она замерла. Послышался писк, сигнализирующий об окончании измерения, что позволило мне немного расслабиться.

Чёрт знает что творилось. За окном люди в масках и даже противогазах торопились схорониться в своих жилищах. Многие неслись с сумками, полными продуктов. А у меня дома было хоть шаром покати. Я практически никогда сам не готовил, привык есть в уличных кафешках или заказывать доставку фастфуда на дом. Ни тот, ни другой вариант теперь не подходили.

Исследование полок кухонного шкафа позволило обнаружить суп быстрого приготовления, банку оливок и банку вишенки зелёного цвета для коктейлей. Сахарозаменителя и кофе было предостаточно. В холодильнике было две булочки для гамбургера, пачка сосисок, банка консервов из осьминогов, кусок сливочного масла, брынзы Фета, банок 20 пива, колы и энергетика. Вот и всё. Весь мой запас и рацион до окончания дней.

Надо было занять себя, начать активную деятельность, чтобы не сойти с ума. Выпив успокоительного и заварив себе крепкого кофе, я зашёл в Интернет. В соцсетях уже открылось бурное обсуждение новостей. Мой статус сменился на «В осаде», после чего можно было включиться в этот базар. Прокомментировав пару дюжин постов моих друзей, раздав в два раза больше лайков, я написал в живом журнале мини-статью. Слезная получилась вещичка в духе «берегите себя, друзья», «я с вами всей душой, так что мы вместе победим» и прочей дребедени. Потом я отыскал в сети изображение рук, которые как бы оберегали светящееся сердце кумачового цвета, и прикрепил его к статье.

Вообще люди разделились на три неравные группы. Представители первой были в панике. Они не представляли, что делать и искали ответы в Гугле. Вторые были уверены, что

это только эксперимент правительства, средство контроля, запугивания и манипуляции и т.д. Они утверждали, что на самом деле никакого вируса нет, но при этом нос на улицу не казали. Третья группа представляла собой эдаких негибавших борцов, которые уже десять лет назад знали, что так и получится и запасли на этот случай полный погреб солений и варений, а некоторые даже вырыли собственный бункер на заднем дворе.

В перерывах между чатом я заглядывал на новостные порталы, чтобы ещё раз услышать то, что слышал утром. Сомнительного происхождения эксперты уже начинали обсасывать новость, представляя развитие событий в свете политики, экономики, экологии, социологии и прочих «логий». Эту галиматью читать не стоило.

Интернет заметно тормозил. Оно и понятно – все были тут. Дозвониться до кого-то по Скайпу также не представлялось возможным.

Справившись с первым потрясением, я постепенно успокаивался, поедая свои запасы. К вечеру в моих резервах была банка осьминогов, которых мне ради шутки подарил мой университетский друг, и три сосиски. Долго не протянуть.

За день ситуация не изменилось. Выступил премьер, который почти пересказал слова председателя ВОЗ, а также призвал всех оставаться дома, насколько это возможно. Он сообщил, что все службы будут работать в штатном режиме, и попросил не придаваться панике, не бросаться скупать продукты.

В общем, нам нечего было переживать – за нас уже переживают, заботятся о нас, о нашем здоровье и пропитании. Спасибо на том!

Уже вечерело, когда мой телефон оповестил о пришествии СМС. Контакт «Женища» писал: «Никушка... Я звонила тебе в эти дни. Я хотела попрощаться. Я умираю... Я всегда тебя любила, родной!».

Меня как будто 100 мегаватт трахнуло! Я похолодел, чувствуя, как горблюсь под тяжестью новости! Что за хрень?! Я стал набирать номер, но на том конце не отвечали.

Через несколько минут пришло ещё одно сообщение. «У меня нет сил, чтобы говорить. Мне помогает писать сестра. Я в спецблоке у аэропорта».

«Я приеду!» – быстро написал я, накидывая куртку. Но тут, взглянув на дверь, вспомнил о проклятом, долбанном вирусе! Входная дверь была заклеена скотчем.

«Вашу мать! Вашу ж мать!» – выругался я, прямо в одежде проходя через всю квартиру к окну. На улице горели фонари, сверкали вывески, в общем, всё как всегда, только тишина была необыкновенная! Ни одного прохожего не видно. Никто не спешил домой с работы, никто не выгуливал собак и не катался на роликах. Даже машины проносились по мёртвой улице крайне редко. Не хватало только перекасти-поле, переносимого ветром.

Меня трясло от страха заразиться. СМС от Глории задело в моей душе какие-то глубокие бомбы, которые заставили меня переживать и чувствовать вновь. «Куда ехать? – твердил с другой стороны голосок моего самосохранения. – Если она уже больна, то ей ничем не поможешь! А ты может быть ещё не заражён. Ты можешь переждать эпидемию, дождаться вакцины и жить дальше. Пусть мёртвые оплакивают своих мёртвых!» Я противился своей слабости, старался найти в себе лучшие чувства, но победил голос разума – мне нечего было есть, так что выходить на улицу было всё равно нужно. До Глории было не так далеко ехать.

Несколько забега вперёд, я расскажу о событиях в госпитале возле аэропорта, хотя о них мне стало известно значительно позже.

Военные на пустыре недалеко от аэропорта оборудовали специальный приёмник, куда на карантин помещались все приезжие, у которых наблюдались симптомы заболевания либо просто была повышена температура. Поначалу, когда о суперзаразности вируса ещё ничего не было известно, это место представляло собой несколько палаток, соединённых между собой

проходом – сборный вариант полевого госпиталя. Медперсонал работал в обычных масках и перчатках.

Доктор Арнольди был здесь с первого дня. Он был свидетелем того, как приёмник разрастался, обзаводился всеми атрибутами биологически опасного объекта. Поначалу сюда привозили тех, у кого было подозрение на вирус. В основном люди, возвращающиеся из командировок и поездок за границу. Больным назначался уход и противовирусная терапия. Анализ крови направлялись в центральную лабораторию вирусологии, где исследовались в течение 24 часов. К сожалению этого времени было достаточно для того, чтобы даже те, кто имел неосторожность прихватить насморк, заразились смертельно опасной заразой. Приёмник превратился в рассадник вируса.

Врач в третьем поколении доктор Арнольди, носивший очки в золотой оправе и употреблявший ругательство «подлец», когда доходил до крайней степени раздражения, не мог смириться с тем, что пациенты покидают «учреждение» только ногами вперёд. Впрочем, как и персонал. Когда привозили нового пациента, персонал в шутку говорил «dead man coming».

Он был максимально тактичен и придерживался правил врачебной этики, даже когда особо приткие больные пытались покинуть этот «концлагерь», и военные приковывали их к металлическим койкам наручниками.

За месяц, что Арнольди был в этом аду, медперсонал сменился практически полностью. В живых оставалось только трое из тех, кто начинал здесь работу с момента открытия.

Это вызывало чувство безысходности. Ив Арнольди почти сразу перестал ходить домой, где остались его жена и дочка. Риск принести заразу в дом был слишком велик. Со своей семьёй он, как и больные, общался при помощи Скайпа.

Утончённая личность, аристократ и педант Арнольди чувствовал, что не справляется. Сначала он выписал сам себе успокоительные, которые позже стали совершенно бесполезными. Просто не справлялись со всем этим стрессом.

1 июня, когда город опустел после объявления карантина, когда перестали работать учреждения, а больные стали поступать десятками, Арнольди сбивался с ног. Крепкий и поджарый прежде, он ссутулился, опустил плечи и сгорбился. Его благородно седые волосы, которые он носил на пробор, теперь совсем отросли и висели нематыми паклями, которые он то и дело убирал за уши.

В костюме биологической защиты, который сковывал, не давал возможности нормально дышать и ходить, он пробирался по третьему блоку, где размещалось сто инфицированных. Он старался не смотреть в лица больных, которые понимали, что шанс выйти отсюда у них один на миллион. Слишком много было в них упрека и мольбы.

Некоторые больные даже злорадствовали, мол, какой деликатный вирус – даёт возможность попрощаться со всеми родными, отписаться в своих аккаунтах, оформить завещания или даже исповедоваться священнику для особо чувствительных.

И вправду на всей территории, огороженной колючей проволокой, стабильно работал бесплатный Wi-Fi. Специальным распоряжением мэра города нотариусам разрешено было оформлять сделки и завещания больных, используя видеосвязь и электронную подпись. Только настырные священники в костюмах биологической защиты с крестами поверх них, то и дело показывались на территории.

Когда Арнольди почти что миновал эту чумную палату, кто-то схватил его за руку. От неожиданности он одёрнул руку и покосился налево. У самого прохода стояла койка, на которой лежала красивая, но совершенно измождённая женщина лет тридцати. Блондинка своими голубыми глазами сверлила доктора сквозь маску костюма.

Арнольди наклонился к ней поближе, отмечая про себя, что ей осталось совсем недолго.

– Доктор, умоляю, свяжитесь с моим мужем. Мне хочется его увидеть, – еле прошептала она.

Арнольди положил руку в толстой перчатке на её холодную ладошку.

– Помочь вам набрать номер? – проговорил он, стараясь проявить участие.

– Он не берёт трубку... Может вы дозвонитесь.

Арнольди уже сталкивался с тем, что все родственники и друзья отворачивались от человека, едва слышав о его болезни.

– Хорошо, я позвоню ему со своего телефона. Как его зовут?

– Ник.

– А вас?

– Глория, – одними губами проговорила больная. Запишите телефон.

– Я запомню. Покажите мне контакт.

Арнольди действительно несколько раз прокрутил в голове нескладный номер. Женщина посмотрела на него с упрёком.

– Не беспокойтесь, – понял он её подозрения, – я изучал мнемонику.

Он похлопал её по плечу, сказал «поправляйтесь» и пошёл дальше, слыша её слабый голос: «Окей, Гугл, что такое мнемоника?».

Арнольди покачал головой и заспешил в тамбур дезинфекции. Пройдя неприятную процедуру, он освободился от проклятого костюма и скрылся у себя в кабинете.

На хлипком пластиковом столе стоял нэтбук. Скайп показывал пропущенные вызовы от жены. Целых пять.

Арнольди сел перед камерой и нажал вызов. Ответили почти сразу. На экране появилось заплаканное лицо Ильзы.

– Арни! Арни! – запричетала она. – Где ты был? Я всё звонила тебе!

– На обходе, дорогая! Что с тобой? – доктор поёжился, предчувствуя неладное.

– У нас с Лизой появился сегодня кашель. Мне кажется, что у неё поднимается температура! – Ильза заплакала, её изображение запрыгало и пошло волнами. – Что теперь будет?

Арнольди поёжился, но не потерял остатков самообладания.

– С чего ты взяла, что это вирус? – непринуждённо поинтересовался он. – Вы же не выходили, как я говорил?

– Нет!

Арнольди перестал бывать дома с самого момента, когда стало ясно, с какой заразой им пришлось столкнуться.

– Ну, тогда и волноваться не стоит. Я же доктор! – он попытался улыбнуться. Ильза тоже улыбнулась сквозь слёзы. – Сейчас все напуганы. Вот и паникуют от каждого чиха!

Видимо эти слова не очень успокоили жену, так как она спросила серьёзно.

– Нас отправят туда? К тебе?

Он замешкался с ответом. Тогда она продолжила:

– Хоть свидимся!

Арнольди наклонился к самому компьютеру и серьёзно сказал:

– Послушай меня. Вы здоровы и сюда я вас не пущу никогда! Сейчас я поймаю такси и передам вам пакет с лекарствами. Я его обработаю дезинфектором, но когда ты его получишь, сразу сожги оболочку. Не контактируй с таксистом. Он оставит пакет у двери, возмёшь его, когда он уедет. Понятно?

– Понятно! – тревожно ответила Ильза.

– Будете принимать лекарства для профилактики точно по часам. Я вышлю таблицу.

На лице жены он заметил некоторое облегчение.

– Врач я, или кто? – шутил Арнольди. – Вы для меня – самое дорогое! Я не позволю, чтобы с вами что-то случилось.

Отключив Скайп, он подошёл к стеклянному шкафу, где за замком хранились дорогие противовирусные препараты последнего поколения. Их хранили под замком, потому что были

попытки их выкрасть и продать на чёрном рынке. Министерство здравоохранения выписывало лекарство на каждого поступившего больного индивидуально.

Арнольди взял пакет из плотного пластика с замочком и стал укладывать туда ампулы. Он задумался – на сколько дней взять препарата? Можно было передать его ещё раз потом, но он решил, что лишний контакт – это лишний шанс подхватить смерть и поэтому набил лекарством полпакета. В этот момент он не думал о своих пациентах. Многие и так не дотянут до конца курса. Так что пропажу никто не должен был заметить. Затем он заполнил пакет капсулами новейшего иммуномодулятора, которые хранились рядом в холодильнике.

Запечатав пакет, он положил его в специальную кювету и стал обрабатывать раствором стерилизатора. После этого он надел новые резиновые перчатки, взял пакет за самый краешек и вышел с ним на улицу, преодолев два поста охраны. Здесь он взял в автоматическом газетном киоске какую-то газету и завернул в неё пакет.

Такси поймать было очень сложно, если учитывать, что доктор ещё пристально всматривался в лицо шофёрам, пытаясь определить, здоровы ли они.

Наконец молодой индус, который выглядел прямо пышущим здоровьем, запросил за «миссию» 50 долларов. Арнольди согласился без промедления.

Вернувшись в кабинет, он первым делом связался с женой и после устало откинулся на спинку. Тут он вспомнил, что обещал позвонить мужу своей пациентки.

На звонок сразу ответили. По голосу было слышно, что мужчина страшно волнуется. Он согласился приехать и записал адрес.

Арнольди посмотрел на мониторе видео с того блока, где лежала женщина. Было видно, что она едва заметно двигается. Жива.

Вообще доктор сомневался в необходимости ехать сюда. Всё равно встречаться с больными было нельзя. Можно было только установить видеосвязь через специальный компьютер, оборудованный в отдельной будке. Глупость, но многие ехали сюда и проводили под стенами лагеря всё время, пока пациент ещё был жив.

Прежде чем выйти на улицу, я отыскал маску, которую мне выдали на работе, и напялил её. Но этого показалось мало. Сразу вспомнился чудик из метро. Что же было делать? «Что делать?» – повторял я себе. Наконец на глаза попались лыжные очки, которые были заброшены когда-то на антресоль после трёхдневной поездки в Альпы. Осмотрев их, я скривил губы, водя пальцем по маленьким дырочкам в пластике, предназначенным для вентиляции. Отыскав скотч, я залепил их и смазал уплотнитель кремом, чтобы очки хорошо прилегали к коже. Поверх маски намотал шарф, обвязав несколько раз всю голову. Так что открытыми остались только глаза под очками. На руки были надеты кожаные перчатки. Вид у меня был как у взбесившейся мумии-сноубордиста, но, как ни странно, меня это совершенно не волновало.

В подъезде была гробовая тишина. Никто не сновал по коридорам, не торопился домой или из дома. Та же тишина была и в маленьком подземном гараже.

Улица погрузилась во мрак, когда я вырулил с парковки. В очках было очень плохо видно, но я не собирался их снимать. Уж лучше врезаться, чем заболеть! Дальний свет отчасти решал эту проблему. Да к тому же ни пешеходов, ни машин вокруг не было. За всю дорогу мне попалось только четыре встречных автомобиля, да и то один из них был военный.

На дороге, которая вела из города, поток машин был поплотнее. «Крысы» бежали с тонущего корабля в пригород, где людей, а соответственно, по их логике, и шансов заболеть было значительно меньше. Говорят, были и такие, кто в одиночку уходил в леса или горы, но я не слышал, чтобы это помогало выжить. Если только они до сих пор там не живут, как робинзоны.

На подъезде к «лагерю военно-больных» стояли патрули и заслоны. Дорогу перегораживал шлагбаум. «Упавшее дерево» – подумал я почему-то и заулыбался под маской. На дорогу

вышел солдат в камуфляже и большом противогазе с прозрачной маской. Он держал наперевес винтовку. Как ни странно, он ничуть не удивился моему виду, когда подошёл к окну.

– Куда вы едите? – спросил он. – Здесь карантин!

Я не опускал окно и прочёл эти фразы по его губам.

– Жена! – крикнул я ему через маску и шарф, показав пальцем в сторону лагеря. – Жена!

Не думаю, что он меня услышал. Было похоже, что он тоже не хочет, чтобы я опускал окно. Он немного наклонился к окну и левой рукой помахал в сторону.

– Ехать только туда! – крикнул он, отчего стекло в маске на миг запотело, и открыл дорогу.

Я закивал и поехал влево.

Видимо на этом месте раньше была служебная парковка для автомашин работников аэропорта. Теперь здесь стояли три палатки цвета хаки, между которыми шныряли люди в костюмах биологической защиты. Здесь людей с оружием видно не было. Поодаль стояло несколько десятков машин. Я приткнул свой VW к этой груде металла и нерешительно открыл дверь.

Завидев меня, к машинам направился человек в оранжевом костюме. Двигался он, словно Нил Армстронг, совершающий большой шаг для человечества. Я немного струхнул, когда он подлетел ко мне.

– Вы мистер Соломон? – заорал он мне в ухо.

Я не сразу понял, что он говорит и отрицательно замотал головой.

– Вы адвокат? – снова заорал космонавт.

Я снова не подтверждал его догадок.

– Что вы здесь делаете? – искренне удивился он. – Вы священник?

– Здесь жена! Мне позвонили! – пробубнил я, стараясь не дышать этим отравленным воздухом.

– Ааа... – он махнул рукой и поскакал от меня, не сказав больше ни слова.

Пожав плечами и, пересилив себя, я направился к ближайшей палатке. Возле входа стоял человек в таком же костюме. Судя по всему, он был тут распорядителем или ещё кем-то.

Когда я подошёл к нему вплотную и заглянул в его маску, то увидел там волевое лицо эдакого супергероя. Ему не хватало ещё обсосанной сигары за маской. Он заулыбался и поступал указательным пальцем в перчатке по моим очкам.

– Ничто не поможет от вируса, сынок! – обрадовал он меня. – Вообще ничего не поможет.

Я хотел сразу уйти от него, но потом решился спросить.

– Тут моя жена Глория Виванти. Я хочу повидать её.

– Сынок, юристы не справляются. Если она не сегодня поступила, то ты наверняка не успеешь.

Попутно он отдавал приказы другим комбинезонам, пробегавшим и проходившим мимо. Видимо все они были военными.

– Мне не нужны юристы! – удивлённо ответил я. – Повидаться.

– Ясно, – коротко ответил он. – Иди за мной. Тут просто все приезжают только чтобы завещания пациенты написали, ну или там расторгнуть брачный контракт. Другого смысла приезжать нету. – Пояснил он. – Всё равно к больным не подпустят. Тот же Скайп!

– Дежурный! Дежурный! – стал кричать супермен, когда мы завернули за палатку.

После ещё одного поворота перед нами оказалась больничная койка, которая стояла прямо на асфальте. На ней спал молодой парнишка, также одетый в костюм биологической защиты.

– Дежурный! – ещё громче заорал первый и слегка толкнул спящего ногой под зад.

Тот подскочил на ноги, стараясь протереть заспанные глаза кулаками через маску.

– Ты что, уже заразился? – продолжал натиск старший.

– Нет! Никак нет, господин полковник! – испуганно отрапортовал паренёк.

–Тогда тащи свой зад на пост и работай! Тут пришли по твою душу.

В этот момент полковнику следовало бы плюнуть и уйти, но он просто повертел головой и ушёл.

Паренёк снова сел на кровать.

–Извините, с ног валюсь! – пожаловался он. – Двое суток без сна не компенсируют никакие таблетки. Чем могу помочь?

–Я пришёл повидаться с женой. Мне звонили отсюда, что она здесь. Я ничего не хочу оформлять. Просто увидеть.

–Ага, понятно. Следуйте за мной.

Мы прошли в третью, дальнюю палатку и внутри я увидел несколько кабинок, смастерённых с помощью ширм. Всего было семь кабинок, в каждой из которых стоял стол с планшетом и стул.

Вообще-то я ожидал увидеть в палатке больных, отгороженных ширмами, ожидал, что меня самого оденут в такой же громоздкий костюм, но только теперь я понял, как глупы были мои догадки. Оставив меня в одной из кабинок, солдат взял в руки планшет, поместил его в герметичный пакет и ушёл. Планшет, который был на столе передо мной, транслировал изображение с планшета в руках солдата. Он активно махал руками, и поэтому картинка тряслась и качалась из стороны в сторону. Солдат подошёл к большому комплексу, составленному из палаток, который находился поодаль.

Возле входного шлюза, выполненного из прочного пластика, дежурили двое солдат в костюмах и с автоматами. На «связиста» они не обратили никакого внимания. Солдат зашёл в шлюз, закрыл за собой входную дверь на молнию и перешёл затем в маленькое помещение, которое, по-видимому, служило приёмным покоем. Здесь стояли две кушетки, на одной из которых лежала стопка больничных пижам для вновь поступающих пациентов. Их одежду собирали в пакеты и потом сжигали, а взамен выдавали эти пижамки. Ненадолго. На кушетке всё в том же костюме сидел человек, низко свесив на грудь голову.

–Эй, Толстушка! – позвал солдат. – Спишь?

Комбинезон поднял на него голову. За стеклом было видно уставшее женское лицо с красными глазами.

–А, это ты... – ответила она равнодушно. – Да, сплю. Сидя. Кажется, мне крышка! – слезливо добавила она. – Посмотри на меня!

Солдат потряс её за плечи.

–Не выдумывай! Посмотри, сколько мы не спали уже. Конечно, усталость и глаза красные будут. Мы тут всех переживём! Лучше скажи, где док?

– У себя, где же ещё?! – нервно ответила «Толстушка».

–Ладно, ладно, не кусайся! Я к нему. Мне пациентка нужна.

– Не трогал бы ты его. Как фамилия?

Солдат направил на себя камеру, так что я увидел его совсем близко.

– Как у неё фамилия?

– Виванти! – ответил я.

– Так, кажется, мы уже её отправили, – пробормотала «Толстушка».

Я вздрогнул. И так было понятно, что означало на их сленге слово «отправили». Отправляли они в последний путь.

– Спроси, действительно, у Арни. Так не ошибёшься.

Солдат прошёл в другую палатку, пересёк её и оказался перед монитором.

–Доктор Арнольди! – позвал он.

Перед экраном спустя минуту появилось лицо усталого седого человека лет пятидесяти.

–Да, – проговорил он нервно.

– Хотят встречи с пациенткой Виванти, – и он поднял в воздух планшет, отчего всё на экране снова запрыгало. – Как к ней пройти?

– Что я помню фамилии что ли? – пробурчал Арнольди. – Посмотреть надо. – Он исчез с экрана на некоторое время и вернулся с книгой. – Так, палата два. Место 21. Она плоха была. Посмотри сперва сам, прежде чем связь подключать.

Я заёрзал на месте, не зная, что и думать.

– Доктор, а какой прогноз? – закричал я в планшет. При этом я опрометчиво стянул очки, чтобы лучше видеть врача.

Арнольди внимательно посмотрел на меня, но ничего не ответил, словно не услышал моего вопроса.

Слышно было, как в микрофоне солдат повторял: «Два – двадцать один, два – двадцать один, два...»

Пройдя через короткий тоннель, солдат оказался в огромной палатке, больше походившей на цирк-шапито. Здесь рядами стояли койки с больными. Практически все они были заняты. Как оказалось, это был блок 1, где размещалась сотня больных. Я старался не смотреть на них. Измученные лица, выражающие безнадёжную грусть с потухшими или наоборот – горящими болезнью глазами. Некоторые равнодушно посматривали на планшет, некоторые тянули к нему руки, надеясь, что это звонок им. Меня в который раз передёрнуло. Хотелось снова стянуть очки, чтобы видеть этот ужас хоть немного лучше.

Пройдя первый блок, солдат снова преодолел тоннель, и оказался во втором. Здесь всё было точно так же, как и в первом. Я не мог поверить, что где-то там лежит моя всё ещё жена. В горле стоял ком. Я не представлял, что скажу ей. У этих пациентов был билет только в один конец.

Солдат нарочно повернул камеру планшета вперёд, чтобы мне было видно номера на кроватях. По рядам – 50, 40, 30, 21. На второй кровати в ряду неподвижно лежало исхудалое тело в больничной пижаме. Оно совсем не походило на Глорию. Совсем! Я на секунду даже обрадовался этому, обрадовался тому, что это ошибка!

«Так, двадцать один!» – проговорил глухо солдат. «Мисс, – позвал он, – мисс!» Женщина не двигалась. Я смутно видел, как её растрёпанные грязные волосы разметались по подушке. Одна рука была закинута за голову, а вторая безвольно свисала с кровати.

Солдат замер на секунду, потом отодвинул камеру в бок, так что мне была видна лишь чья-то нога, чтобы я не увидел неподвижного взгляда глаз этой несчастной.

–Мистер! – проговорил он удручённо, – мистер, мне очень жаль!

– Солдат! Солдат! – позвал я. – Это ошибка какая-то! Посмотрите на постели – там должно быть написано имя. Это не моя жена! – почти радостно прокричал я, понимая при этом, что из-за ширм мой взволнованный голос прекрасно слышен.

Солдат снова повернул камеру и аккуратно поднял руку умершей, которая свисала с постели. На ней был браслет с именем пациентки. Даже через очки я смог увидеть надпись «Глория Виванти, 27 лет». Но больше меня испугало не это. На пальце я успел разглядеть обручальное кольцо своей жены. Кольцо, которое я так долго выбирал перед венчанием. Это была она!

– Покажи мне её, солдат! – задыхаясь от нахлынувших эмоций прокричал я. Но он меня не слушал уже.

–Позовите доктора! – прокричал он кому-то. – Здесь пациент скончался.

–Покажи мне её, сукин сын! – кричал я в слезах.

Солдат между тем уже отвернул планшет, разговаривая с кем-то. Через пару секунд изображение пропало.

Я вскочил, ударив по столу кулаком. Нарочно вцепил со всей силы, так, чтобы было больно, так, чтобы все услышали!

Я не ожидал этого, но эмоции, нахлынувшие на меня, были слишком бурными. Не помня себя, я вылетел из палатки, и побежал проч. Слёзы душили меня. Она не дождалась меня! Она столько дней умирала здесь и пыталась мне дозвониться, пока ещё были силы! Ах я тварь неблагодарная! О чём только раньше думал? Я, оказывается, так любил её! Я уже поднял руки, чтобы сорвать очки и маску и вдохнуть прохладный, убийственный воздух, но тут же одумался.

Безвольно опустив руки, я сделал несколько вдохов, осмотрелся и направился к спасительной машине.

За рулём мне стало гораздо лучше. Глория умерла, но я был ещё жив! Да, мы прожили несколько лет душа в душу, но потом-то всё кончилось! Потом-то она сама захотела прекратить наши отношения. Мы в последнее время были совершенно чужими людьми, и ещё не известно, зачем она звонила – может хотела что-то плохое мне бросить напоследок, или поручения у неё были какие. Может она хотела воспользоваться мною в последний раз, как пользовалась раньше!

Размышляя таким образом, я постепенно приходил в себя. Пусть мёртвые оплакивают своих мёртвых, в конце концов!

Рука потянулась к ключу. Двигатель взревел, готовый умчать меня из этого лагеря смерти. Больше ждать смысла не было.

Когда я ехал назад мимо шлагбаума, там уже никого не было. Проезд был открыт.

«Вот идиот! Кретин! И так можно было догадаться, что ехать сюда нет смысла! А теперь наверняка заразился! Дьявол! – выходил я из себя, колотя правой рукой по рулю. – Дьявол! – Сопли распустил, на встречу приехал! Как всегда не о себе подумал! А теперь что? В запертой квартире у меня хоть шанс был! А теперь до скорой встречи, сука! Ты это специально сделала! Ты так мне отомстить хотела, мразь!»

Рука ныла, машина летела на скорости более 100 километров. Я чуть приоткрыл окно, чтобы прийти в себя, вдохнув прохладного воздуха.

«Успокойся, – проговорил я вслух, – ты ведь ещё жив! Так пора, наконец, и о себе подумать! Никто тебе не поможет, кроме тебя самого. А разбиться в лепёшку всегда успеешь!».

Я сбавил скорость, потому, что ехал уже по городским кварталам в паре километров от своего дома. На улицах по-прежнему не было ни души. Не было ни одного открытого магазина или аптеки.

На одном из перекрёстков у продуктового магазина мелькнула фигура. Подъехав ближе, я увидел, что витрина магазина разбита, а фигура тем временем стала шнырять внутри, не обращая внимания на звон сигнализации.

Нужно было позаботиться о себе, поэтому я остановился и, открыв дверь, вышел из машины, не выключая мотор и не отходя от двери. Фигура притаилась за прилавком, рассматривала меня.

– Ты коп? – послышался женский голос.

– Нет, мне только нужно купить тушёнки! – крикнул я в ответ.

Это всё напоминало компьютерную игру. Простой квест – раздобыть пищи. Только и всего. Я сам удивлялся своей храбрости. Чего можно было ожидать от воровки, разбившей витрину?

К витрине вышла дебелая женщина с головой, обмотанной арафаткой. В руках она держала корзину для продуктов.

– Тогда, если ты не коп – неуверенно проговорила она, – тогда вот! – она подняла корзину повыше. – Здесь детское питание, хлеб, фрукты и молоко. Мне надо кормить своего малыша! А всё закрыто! – было слышно, что она плакала. – Я живу здесь рядом. Витрину разбили какие-то парни около часа назад. Полиция так и не приезжала. Вот я и решила, что лучше сделать покупку так.

Я про себя усмехнулся. «Сделать покупку!» – ну-ну.

– Будьте тому свидетелем! – снова заговорила она. – Я положила деньги и записку на кассу. В случае чего, всё ведь записывается на камеру!

– Не волнуйтесь, – ответил я учтиво, – я тоже колесил по району в поисках открытого магазина. А теперь последую вашему примеру.

Мои слова видимо ободрили её.

– Только не подходите ближе! – предупредила она. – Я так боюсь заразиться!

– Идите своей дорогой! – уже не столь учтиво предложил я. – Если что, будем в суде защищать друг друга.

Она хохотнула и засеменила короткими толстыми ножками по тротуару.

Когда она скрылась за поворотом, я перешагнул через разбитую витрину и оказался в этой лавке. Здесь ещё был порядок. Гудела сирена, и от опасности быть застигнутым меня трясло, но в то же время появился какой-то азарт. Голова моя была полностью завернута в шарф, так что в случае чего узнать меня было невозможно.

Я схватил тележку и ринулся к рядам с консервами. Мозг работал чётко – нужно брать продукты, которые не испортятся, которые хранятся долго. В результате в тележку без разбора полетели все консервы, которые попадались под руку. Сначала я клал их, как обычно, а потом стал сгребать всё с полок, отчего некоторые банки падали на пол, раскатывались в разные стороны. За консервами пришёл черёд сгущённого молока, масла, чая и кофе. Тележка быстро наполнилась, так что мне пришлось катить её к выходу, перетаскивать через витрину и разгружать. Я решил запастись основательно. Бросив порожнюю тележку на улице, я снова вернулся в магазин, взял вторую и стал на этот раз наполнять её пачками крупы, муки, макарон и прочими продуктами. Наполнив её с горкой, я подкатил к кассе и остановился в нерешительности. Пожалуй, нужной наличности у меня не было. Уйти? Я достал кошелёк, предполагая, что камера обязательно установлена где-то возле кассы, и стал демонстративно доставать из кошелька купюры и нарочито неловко, так что они падали на пол, класть их на кассу. Опустошив портмоне, я с чистой совестью вытащил тележку и выгрузил её содержимое в багажник.

Всё, миссия была выполнена! Меня никто не поймал и не заметил, а багажник был полон продуктов. Следующая миссия – доставить это всё домой и закупорить свою квартирку, как раньше. Потом можно будет отписаться в сети. Худшее позади.

Следующие дни были просто ужасными. В закупоренной квартире, как джинн в бутылке, я наблюдал за миром через оптоволоконный кабель. Власти ещё пытались сдерживать панику, робко заявляли о том, что лекарство против страшного вируса почти найдено, но было видно, что до победы им ещё как до Луны.

Одна за одной переставали работать различные службы. Люди сидели по своим квартирам, боясь высунуть нос на улицу. А чума тем временем не щадила никого. Болели полицейские, пожарники, врачи, политики, селебрити, преступники и отбросы общества. На опустевших улицах не было ни души. Уровень преступности снизился практически до нуля, словно человечество вступило в эру благоденствия, вот только массовые самоубийства портили статистику. Люди не обращались в больницу, обнаружив у себя симптомы вируса. Они просто умирали в своих квартирах, надеясь на иммунитет и всё самое лучшее. Они боялись оказаться в лагерях для больных, откуда нет выхода. В действительности же через две недели после моего посещения этого проклятого места, подобные лагеря были закрыты. Во-первых, в них не было необходимости. Изоляция больных не помогала остановить эпидемию. А во-вторых не осталось врачебного персонала, который бы облегчал участь умирающих.

Мэрия собрала группы волонтеров, в которые вошли ещё здоровые медики, стражи порядка, социальные работники и просто сердобольные граждане, которые брались помогать людям. Такие группы ежедневно разъезжали по своим секторам города, развозили продукты питания, лекарства, следили за порядком. Первоначально они также собирали тела умерших,

но потом жертв эпидемии стало так много, что это им стало не под силу. Для подобной работы были организованы специальные группы из самых стойких. Эти группы также перемещались по городу на крытых грузовиках, прозванных «Валькириями» и собирали трупы на улицах. Кроме того, они ездили по адресам, указанным первыми группами и забирали мертвецов из квартир.

Без всякого согласования умерших захоранивали за чертой города в больших траншеях, вырытых бульдозерами. Наверное, это было бесчеловечно, но те, из числа правителей, кто остался в живых, понимали больше рядовых граждан, насколько всё плохо. Видимо сверху был виден страшный конец человеческой истории, неумолимо приближающийся конец.

Я благодарил Бога за то, что ещё был свет и Интернет. Здесь можно было отвести душу, он создавал иллюзию общения. Компьютер у меня был включён всегда. Я вёл переписку со своих страниц в социальных сетях, смотрел новости, читал.

Это помогало вначале... Просто потом всё чаще стали появляться мёртвые страницы. Контакты были онлайн, да вот никакой активности владельцы не проявляли. Просто умирали пользователи один за одним перед своими компьютерами, так и не выйдя из сети. Смерть в сети. Оставались в своих закупоренных квартирах-саркофагах, да ещё со включёнными компьютерами. Спасибо им, что IP – камеры не держали включёнными!

Некоторые уходили громко... Это было ещё хуже. Контакт сообщал, что обнаружил у себя симптомы. Потом каждый день отписывался по температуре и другим показателям. Потом проходило ещё несколько дней слезливой переписки, когда он, наконец прощался со всеми своими «родными» контактами, говорил тёплые (а иногда и гневные) слова и уходил в офлайн.

Среди заболевших, также как и среди здоровых, были те, кто активно искал людей, которые бы согласились «вести» их странички, когда их самих не станет. Раньше этим за деньги занимались специальные компании в сети, но теперь они перестали работать.

Однажды моя подруга под ником Lisa стала меня упрашивать вести её страницу, когда её не станет. Она была уверена, что непременно заразится вирусом. Хотя я на тот момент совершенно не думал об этом. Поражаюсь своему безразличию. Ожидание плохого оказалось слишком тяжёлым испытанием.

Она так и написала: «Будешь поддерживать во мне жизнь, когда меня не станет :-D?» Я пробурчал, мол, делать мне больше нечего! Да и тебе нужно думать о хорошем! В ответ на это она сказала, что настроит мне автоплатёж в 5 долларов ежемесячно со своего электронного счёта за то, что я потом буду время от времени заходить на её страницу и показывать активность.

После этого я перестал общаться с Lise. Деньги на тот момент практически потеряли свою значимость. Люди не выходили на улицу, не ходили в магазины и рестораны, никто не спрашивал платы за коммунальные услуги. Экономика тоже подхватила вирус.

Оставались, правда, ещё службы, которые продавали товары через Интернет, но и они скоро перестали действовать. Первоначально за баснословные деньги предлагалось купить секретную сыворотку, которая якобы была разработана для высших правительственных чиновников, генералитета и богатейших людей, но потом и эти сайты заглохли. Видимо самим обладателям чудодейственной сыворотки она не помогла.

Глава 2. Один

Прошёл месяц моего добровольного заточения. Странно, но жизнь моя наладилась определённым образом. По-прежнему в трубах была вода, в проводах – электроток, а в шкафу продукты, поэтому заботиться о чём-то мне не приходилось.

Вначале я жил по времени Интернета. Мы общались в чатах и сообща решали, что пора бы поесть или поспать. Так что выходило, что спал я в основном днём, а бодрствовал ночью. Впрочем, даже не так, а как попало – без разбора.

Но в сети становилось всё меньше людей, и мне уже опостылело жить в таком режиме, поэтому я решил немного упорядочить свой распорядок дня.

Во-первых, я подсчитал продукты, которые мне удалось запасти: 67 банок различных консервов, около 18кг крупы, 10 пачек макарон по 800 грамм, кое-какие продукты быстрого приготовления и хлеб в холодильнике, лапша, сладости.

По моим неумелым подсчётам мне должно было хватить этого добра, по крайней мере, на три месяца. Впрочем, если бы я стал делить эти продукты как «Марсианин», то хватило бы на 6 или даже на 9 месяцев жизни. Поначалу казалось, что продуктов очень много, поэтому я ел вдоволь, не заботясь об экономии. В довершении всего у меня совершенно не было аппетита. Я мало двигался, находился в депрессии, и сил мне требовалось только на перемещение от кровати до компьютерного кресла и обратно.

Через пару недель я стал замечать, что ем всё больше и больше, от малоподвижного образа жизни стал прибавляться вес, чего со мной никогда не происходило, однако мои попытки сделать с этим хоть что-то увенчались провалом. Мне хотелось есть, и я ел.

Я не мылся и не брился всё это время. Бытовало предположение, что вирус может распространяться в воде, поэтому я пользовался только водой, которую кипятил по полчаса. Впрочем, мой внешний вид меня не беспокоил. Кого мне было стесняться? С кем конкурировать?

Я стал ложиться спать не позже 2 ночи, вставал, когда хотел, ограничил еду.

Впрочем, проведя месяц в своей конуре, я уже стал чувствовать себя как в камере. Хотелось размяться, просто пройтись по улице, пробежаться по ступенькам. Я пробовал ходить по квартире, бегал по кругу, прыгал на кровати, но это было совсем не то. Это обычно называют «маяться дурыю».

Мне стало скучно и одиноко. Я заново проходил все игры, которые были в моей коллекции: все части Call of duty, Need for speed, Assassin's creed и т.д. С ужасом я замечал, что меня привлекают диалоги в играх, что я смотрю за общением персонажей, а не за самими событиями. Это было дурным знаком.

На какое-то время предпочтение было полностью отдано играм онлайн.

Я начинал сходить с ума. Мне казалось, что квартира уменьшается, становилось трудно дышать, что у меня стремительно ухудшается зрение. Слава Богу, это было какими-то приступами, а не всё время.

Иногда в квартире выключались все приборы, чтобы было слышно тишину. В такие моменты было слышно, что мой дом заснул. Лифт не сновал вверх-вниз, никто не бегал по ступенькам, не спешил выгулять животных, не урчали машины на подземной парковке, не шумели соседи. Впрочем, я перестал «слушать тишину» после того, как до меня донеслись какие-то крики о помощи и скулёж собаки сверху. Двумя этажами выше жила одинокая старушка, и я предполагал, что это она зовёт на помощь. Как раз у неё и была тупая надоедливая собачонка.

Сначала я ругал её про себя в духе «Подхватила вирус, теперь тебе никто не поможет!», а когда я услышал крики во второй раз, подумал, что, возможно, у неё просто нет еды.

Нет, подняться наверх я не мог. Зараза ведь была везде! Я стал звонить в службу спасения, в мэрию. Два дня на мои звонки никто не отвечал. Весь день в трубке слышался только голос автоответчика: «Мы стараемся помочь каждому, но в данный момент у нас катастрофически не хватает персонала. Оставьте своё сообщение, и мы приедем к вам, как только появится свободный экипаж». На десятый раз это сообщение бесило и словно уговаривало разломать телефонную трубку.

Наконец на третий день мне ответили. Еле слышным голосом говорил мужчина.

– Здравствуйте, – затараторил я, – хотел обратиться. Тут слышны крики моей соседки. Возможно, что ей просто нечего есть. Возможно, она здорова.

– Вот и отнёс бы ей чего пожарить! – проговорил в трубку уставший голос.

Я опешил от такого ответа. Это никак не походило на обычно вежливый колл-центр госслужб.

– Что вы сказали? – переспросил я.

– Вот бы и отнёс ей жратвы, коли она не болеет, и ты тоже! – снова повторил голос.

– Это ваша работа! – вспылал я. – Вирус может быть в воздухе! Я не собираюсь выходить.

– Эй! – перебил он меня, – тут оставались одни добровольцы, а теперь уже заболели все. Выезжают только «Валькирии». Скоро и их не будет. Помощи не будет ни для кого. А вирус везде, так что ты тоже по любому его подхватил! Иди и покорми бабушку, чтобы умереть тебе с чистой совестью! Может тебе это зачтётся!

Он положил трубку, а я ещё с минуту стоял, слушая гудки. Это было полнейшим шоком. Так просто не могло быть.

Но в любом случае из квартиры выходить было нельзя. Я ждал вакцины. В поисках новости о долгожданной панацее, я каждый день рылся в сети. Поэтому, положив трубку, я включил погромче онлайн радио и постарался отвлечься. Этот канал в сети появился недавно. Его вёл прямо из своей квартиры какой-то парень из Берлина по имени Reaper SA. Он также как и я был в добровольном заточении, просто болтал в микрофон то, что вздумается и ставил свою любимую музыку. Наши пристрастия во многом совпадали, так что Рипер стал для меня почти что другом. Я ему вслух возражал, когда он говорил не то, или наоборот, соглашался, когда он говорил в тему. На его приветствие утром я во весь голос кричал «воззаааап»!

Когда пошёл второй месяц заточения, зарядили дожди. Устав от экранов и устройств, я сидел на подоконник с чашкой чая и просто смотрел на пустынную улицу. Всего через пару месяцев отсутствия людей улица стала заполняться мусором. По дороге ветер носил листья, пакеты и разные бумажки. Кое-где между плиток брусчатки начала прорастать трава. Причём если увидеть человека на улице было большой редкостью, то бродячих животных развелось не меряно. Заболевшие люди выпускали на улицу своих питомцев, чтобы у тех был хоть какой-то шанс выжить. Собаки собирались в настоящие стаи, растаскивали мусорные контейнеры, проникали в магазины, где были разбиты витрины или попросту открыты двери.

За пять дней моего не очень регулярного дежурства у окна я только один раз увидел, как по улице проехала какая-то колымага. В ней, кроме водителя, никого не было. И больше никого. Даже «Валькирии» не появлялись.

21 июля, я привычно взобрался на подоконник с чашкой кофе. С самого утра лил дождь. Ветер сносил капли, и они били по стеклу. Я подумал, что дождевая вода также может быть опасной, но с подоконника не слез. А что тут можно было сделать? В нескольких окнах дома напротив горел свет, но он горел там всегда. Не хотелось думать о том, что стало с хозяевами этих квартир.

Стайка собак, сновала по улице, а потом улеглась под козырьком магазина, когда зарядил сильный дождь. Они чувствовали себя вольготно. Собаки стали полноправными хозяевами улицы. Всё это были чьи-то вчерашние любимцы. Один ретривер даже по-прежнему был с

ошейником на шее. Ещё здесь была болонка, мопс, и две беспородные шавки. Они отлично ладили друг с другом.

Внезапно что-то встревожило собак. Они разом подняли уши и посмотрели в ту сторону улицы, которую от меня скрывал угол дома. Сначала псы ленились подниматься и поэтому стали гавкать, лёжа на своих местах. Потом болонка не выдержала и со звонким лаем сорвалась с места. Её примеру последовали все остальные.

Собаки пропали из моего поля зрения, но по-прежнему был слышен их пронзительный лай. Не слишком агрессивный, но настойчивый. Было интересно, что же там происходит?

Через минуту мне всё стало ясно. От волнения я даже спустил одну ногу с подоконника и придвинулся поближе к стеклу.

По улице шёл человек! Настоящий, живой человек. Видимо это был мужчина. На нём был какой-то нелепый халат, а голова была обмотана шарфом. Перед собой он катил тележку из супермаркета, наполненную едой. Собаки вертелись вокруг него, стараясь иногда схватить за полу халата. Незнакомец вялым жестом отгонял их, ругался.

Неужели он не боится? Я прямо прилип к окну, жадно смотря на фигуру. Может опасность миновала? Или где-то готова вакцина? Сердце моё застучало. Захотелось окрикнуть его, затарабанить в окно, чтобы обратить на себя внимание. Хотя, он не услышал бы меня в своём шарфе, да вдобавок окружённый псами.

Только через определённое время я заметил, что незнакомец еле передвигается. Возможно, это был старик, но скорее всего человек был измождён болезнью. Узнать это не представлялось возможным.

Мне оставалось просто провожать взглядом одинокую фигуру, окружённую псами. Я уже думал, что незнакомец исчезнет навсегда, но тут произошло то, чего я никак не мог предполагать. Мужчина споткнулся, повалился вперёд на тележку и потом сполз на землю.

Я с содроганием следил за тем, как он ворочается, пытается встать, а примолкшие собаки в нерешительности стоят поодаль. Спустя минуту мужчина, лежавший на боку, замер. Как оказалось, навсегда.

Да, он просто так взял и умер на моей улице, на той брусчатке, по которой я каждый день выходил на работу, на улице, покой которой никто кроме собак уже долгое время не решался нарушить!

Собаки обнюхивали тело, виляя хвостами. Наконец ретривер, встав на задние лапы, опрокинул корзину, и всё её содержимое оказалось на земле. Свора принялась растаскивать продукты.

«Как ты посмел?!» – заорал я в бешенстве, – «Ты пришёл на мою улицу просто чтобы сдохнуть почти что под моим окном? Чтобы я вечность любовался на твой разлагающийся труп?!». Я колотил по стеклу, забыв о страхе его разбить. «Что ты наделал? Мать твою! «Валькирии» же не ездят! Как я теперь буду смотреть в окно?».

Я снова стал ходить по комнате, ругаясь. Меня бесило то, что я ничего не мог сделать. Окно из моей спальни выходило в пустынный двор рестораника «Нептун» и из него не было видно ничего, кроме трёх голых стен.

В это время меня отвлек писк из колонок компьютера. Пришло сразу три сообщения от моих «друзей» о том, что сегодня в полдень будет выступления Генерального секретаря ООН. Я поблагодарил их, отметив про себя, что более чем из полутора тысяч контактов только около 10 время от времени показывают активность, 4 – постоянно были на связи.

До полудня оставалось ещё сорок минут. Я решил заварить себе кофе. Жаль дома не было запасов алкоголя. Тогда в магазине я думал только о еде, забыв про выпивку. Сейчас коньяк отлично помог бы мне справиться с нервами.

Телевизор для поиска нужного канала был включён заранее, но анонс выступления показывали все каналы, которые ещё продолжали работать. Рассказывали про возникновение и

развитие убийственного вируса. Я раньше не слышал об этом, хотя много читал про вирус в Интернете. Как оказалось, самый тяжёлый удар пришёлся на представителей негроидной расы. Заболеваемость среди чернокожих приблизилась к 100%. Азиаты вплотную приближались к ним. Среди белой расы заболеваемость достигала 90%, но продолжала расти. Учёные пытались объяснить это также, как когда-то пытались объяснить природу СПИДа. Ведь известно, что среди европейцев есть какой-то процент, устойчивый к ВИЧ. Некоторые учёные, исследовавшие природу нового вируса, напрямую связывали его с ВИЧ, предполагая, что эта скоротечная форма вируса есть не что иное, как мутировавший ВИЧ. В пользу этого говорило и его воздействие на иммунную систему человека. Правда отличие заключалось в том, что быстрее всего вирус распространялся среди женщин. Раса и национальность не играли особой роли.

Я слушал всё это с большим интересом, словно сейчас мог прийти к решению проблемы заболевания. Наконец на экране появилась трибуна ООН с привычным голубым фоном на заднем плане. Без всяких формальностей на трибуну взошёл Генеральный секретарь Организации Густав Рондо. С первого же взгляда мне показалось, что он очень измотан и удручён. Он пошуршал листками и начал свою речь:

«Дорогие мои братья и сёстры! Я зачитываю обращение ко всему человечеству, ко всем представителям человеческой расы. Мы столкнулись с беспрецедентным противником, так что теперь само существование человека на планете Земля находится под угрозой. Ни одна война, ни одно стихийное бедствие или эпидемия, не приносили столько бед, столько смертей.

Для предотвращения распространения вируса были предприняты все необходимые меры, но это не возымело результатов. Заражаемость столь высока, а ход болезни так скоротечен, что никакая противовирусная, антиретровирусная терапия не способны излечить больного. Всю надежду мы возлагаем на вирусологов, которые неустанно работают над выведением вакцины против этой чумы. Заявляю официально: пока получить лекарство не удалось. Однако работа не прекращается. Сегодня известно, что у некоторых представителей белой расы сохранился иммунитет к заболеванию и разработки ведутся в этом направлении. Правда пока предположительно это генетический фактор, поэтому выработка вакцины невозможна.

Я обращаюсь ко всем правительствам с просьбой принять все возможные меры по спасению выживших, облегчению участи заболевших и достойному погребению почивших. Это наш с вами долг. Я призываю немедленно принять все меры (где эти меры ещё не были приняты) по предотвращению экологической и гуманитарной катастрофы. Необходимо законсервировать все объекты, которые не могут работать автономно, остановить все атомные станции и химические производства, остановить все производства вообще. Правительства стран должны обеспечить в первую очередь своих граждан продовольствием и медицинским обслуживанием. Мы призываем в качестве экстренных мер объявить всё продовольствие общественным достоянием и запретить его продажу. Пища должна раздаваться бесплатно. Государствам следует представить в распоряжение нуждающихся еду из хранилищ.

Каждый человек обязан сделать всё для борьбы с этим злом! Помогайте ближним, помогайте своим соседям и родственникам, помогайте всем, кому нужна помощь. Не оставайтесь равнодушными.

Да поможет нам Бог!

Речь далась генсеку с трудом. На его лбу заблестели капельки пота. Он поспешил уйти с трибуны, и только тут я понял, что он тоже болен! Значит разговор о вакцине, действительно был чушью. В сети писали, что вакцина существует, что она доступна только правящей верхушке и богатеям. Говорили, что определённый круг обезопасил себя, а остальных нужно ликвидировать, чтобы создать «чудный новый мир». Говорили, что это заговор теневого правительства Земли, но теперь мне это казалось бредом... Уж генсеку ООН вакцина должна была перепасть!

Обращение только расстроило меня. Теперь я понял, как ждал хорошей новости, как хотелось, чтобы меня ободрили и сказали, что всё скоро закончится, а взамен этого мне сказали, что всё только впереди.

Чуть позже также транслировалось выступление президента страны, который объявил о том, что единственная атомная электростанция будет законсервирована в связи с тем, что её некому обслуживать. То же ждёт и все заводы и фабрики. Полностью прекратил свою работу общественный транспорт. Президент также объявил, что дома и даже районы, где не осталось выживших, будут полностью отключены от всех коммуникаций. Во избежание пожаров, он призвал не пользоваться нагревательными приборами и тем более не разводить костры. Президент сообщил, что в ближайшее время правительством будет разработан план по перемещению всех выживших в специальные учреждения, образованные в каждом городе, где будут работать все коммуникации, будет оказываться психологическая и медицинская помощь, обеспечиваться бесплатное питание, а люди смогут проявить братскую любовь и помогать друг другу.

Меня от его речей прямо передёрнуло. Когда я представлял это «учреждение», перед моими глазами появлялся всё тот же «концлагерь», который мне довелось посетить. Это было ужасно. Я твёрдо решил, что меня никто не выкурит из моего убежища и тут же разместил соответствующий пост и сети. Его лайкнули только один раз...

На следующий день по телевидению и радио было объявлено, что по нашему району в 8 вечера будет ездить автомобиль для фиксации домов, где не осталось выживших, чтобы отключить их от коммунальных сетей. Соответственно всем, кто остался в живых, следовало у окна поставить лампу.

Лампа на моём окне появилась ещё в 6 часов, чтобы увидели наверняка, чтобы не ошиблись! Когда стемнело, я припал к окну, чтобы посмотреть, сколько ламп будет выставлено в соседних домах. К моему удивлению в доме напротив не было зажжено ни одной лампы. Как и всегда, горел свет в нескольких окнах, и больше ничего! То же самое было и в следующем доме, под окнами которого уже несколько дней лежал труп возле опрокинутой тележки. Впрочем, мне казалось, что лампа светит в угловом окне, хотя мне и не было видно наверняка, потому что дом стоял почти перпендикулярно моему.

Было страшно. Глубоко внутри я надеялся, что и в моём доме горит не только мой ночник! Я, конечно, не собирался высовываться из окна, а просто позволял себе надеяться.

Ожидание машины несколько затянулось. Я надеялся, что работники заберут труп, портящий вид. В восемь часов машина не появилась. Не появилась она и спустя полчаса. Минуту ещё полчаса, и я совсем отчаялся. Захотелось есть, и я пошёл на кухню вскипятить воды. В это время послышался звук одинокого мотора. Перескакивая на ходу через мебель, я ринулся назад в комнату. На улице, действительно стоял автомобиль, из окон которого смотрели два человека. Когда они посмотрели в мою сторону, я помахал рукой, но мне никто не ответил. Пассажиры сделали какие-то записи, и машина двинулась дальше, объехав тело.

Не знаю, чего ждал, но я оказался расстроенным. Наверное, мне хотелось общения, но это общением никак нельзя было назвать. Впрочем, было приятно увидеть живого человека. Пусть и больного, возможно.

День спустя в доме напротив погасли окна. Улицы ночью стали погружаться в крошечную тьму т.к. отключали не только дома, но и в первую очередь уличное освещение.

Власти настоятельно рекомендовали до минимума сократить потребление электричества после остановки атомной станции. В стране действовало несколько десятков ветряков и три мини-станции на солнечной энергии. Наверное, потребителей осталось так мало, что этого должно было хватить на всех. Я смутно помнил, что экологически чистой энергии в стране было около 10% от общего объёма.

Я послушно выключал днём всё, кроме компьютера. Ночью довольствовался одной светодиодной лампочкой. Нет, не из патриотизма, конечно. Просто в противном случае обещали отключения в шахматном порядке.

Моё одиночество скрашивал в основном Рипер, который иногда умудрялся иронизировать над сложившейся ситуацией. Похожая ситуация была и в других странах. «Зато решилась проблема беженцев и перенаселения!» – выдавал он порцию чёрного юмора за порцией. «Хорошая новость, друзья!» – нам, наконец, удалось остановить уничтожение дождевых лесов Амазонии и убий китов. Ещё из положительных новостей – сведен до минимума выброс в атмосферу углекислого газа».

Глава 3. Тишина в эфире

Ещё через две недели в моих контактах осталось только три друга онлайн. Я стал смотреть телевизор, чтобы хоть там увидеть живых и здоровых людей. Хотя и на голубом экране их становилось всё меньше. Все новости и репортажи касались только вируса и жизни в новых условиях. Больные репортёры общались с больными волонтерами, которые рассказывали, как противовирусная терапия и благие дела на пользу общества помогают бороться с заболеванием.

Одной из самых острых проблем было нескончаемое число трупов. Их некуда и некому было захоранивать. В итоге власти города смогли организовать санитарную зону только в самом центре возле т.н. лагеря жизни. Лагерь жизни был образован в большом спортивном комплексе, который возвели в минувшем году во время подготовки к олимпиаде. В комплексе, по словам репортёров, были все условия для жизни, и этим уже пользовались около 3 тысяч человек. При этом я к своему удивлению заметил, что люди теперь не особо сторонятся больных. Некоторые ходили в масках, но большинство не предпринимало ничего. Возможно, это был фатализм или отчаяние. Не знаю.

Слава Богу, в Интернете была создана новая социальная сеть «Выжившие одноклассники». Здесь регистрировались все выжившие люди со всего мира. Через неделю после создания, сеть насчитывала уже более 10 миллионов пользователей. Потом это число стало постепенно снижаться, затем опять понемногу росло. Во многих странах коммуникации уже не работали, свет подавался только в правительственные здания и больницы, у людей не было доступа к телефонной связи и глобальной сети.

Общение в сети немного развлекало меня. Было трудно переписываться из-за языкового барьера, но сайт позволял выбирать собеседников из нужной языковой группы.

Одним из первых моих новых друзей был американец под ником JohnBull. Он хвастал тем, что ещё пятнадцать лет назад построил во дворе собственного ранчо большой бункер на случай конца света или ядерной зимы. В бункере были все условия, автономное электроснабжение и система воздухообмена, а также годовой запас провианта. Джон уже два месяца со всей семьёй сидел под землёй, ожидая окончания эпидемии. Он в шутку называл себя NoahXXI (*Noah – Ной прим. автора*). Я возражал, ему, что он не Ной, потому, что у него было не три сына, а три дочери.

Это было странно, но даже в «Выживших одноклассниках» люди умудрялись грызться из-за политики, национальности, религии и других вопросов.

Так всё опостылело, что я иногда мог только слушать Рипера. Но и это продолжалось не долго. В самом конце августа Рипер провёл свой последний эфир. В самом конце программы «злой юмор» он вдруг заявил: «Спасибо всем тем, кто был со мной всё это время. Вы помогали мне не чувствовать себя одиноким и ненужным. Спасибо всем, кто писал мне, поддерживал. Мне очень жаль, но наступило время прощаться. Я ещё чувствую себя сносно, но хуже с каждым днём. Я не хочу, чтобы вы уходили вместе со мной. Я прощаюсь с вами со злым юмором и бодрым голосом. Я помещу всю библиотеку в плейлист, чтобы после меня осталась музыка. Так что канал Reaper SA будет в эфире, пока у меня не вырубят свет или инет, но я думаю переименовать его в простое R.I.P (*R.I.P. – rest in peace (англ.) – покойся с миром – традиционная надпись на надгробиях – прим. автора*). На этом всё. Всем пока! Не кашляйте! С вами был Рипер и до встречи на небесах!».

Моё сердце сжалось, а на глазах выступили слёзы. Я улёгся на диван, поджав ноги и обхватив колени. В комнате стоял полумрак, шумели куллеры системного блока. Я тихо плакал, не в силах взять себя в руки. Было такое чувство, словно потерял самого близкого человека. Наверное, просто привык к нему.

Так я остался один. Нет, были, конечно, ещё люди в телевизоре, в компьютере, но они были мне чужими. Я не знал их, у нас не было никаких совместных интересов, кроме желания выжить. Почему-то это не особо объединяло. Кроме того, и эти «друзья» продолжали исчезать каждый день. Это очень давило и печалило. Казалось, что находиться в этой одиночной камере просто невыносимо. Временами я начинал метаться, как тигр в клетке.

Третьего сентября впервые выключили электричество. Когда это случилось, я замер на месте. На моём компьютере играла музыка, одиноко горела энергосберегающая лампочка, и вдруг всё стихло. Комната погрузилась в полумрак, а в ушах тут же зазвенела тишина. У меня заколотилось сердце.

Без света было не выжить. Газ был отключен давно, поэтому готовить еду и кипятить воду приходилось на электрической плите. Без света я почти гарантировано подхватил бы вирус...

У меня в доме даже не было свечей. Я воспользовался фонариком на айфоне, чтобы не оставаться в темноте. Что делать дальше было непонятно. Как загнанный зверь я ждал милости от загонщиков. Благо свет вскоре загорелся вновь.

С того времени электричество стали вырубать регулярно. Потом вообще оно появлялось только на несколько часов в день, но мне этого хватало, чтобы зарядить телефон, посидеть в Интернете и вскипятить воды.

Жить в одной и той же комнате было всё труднее и труднее. Моя жизнь за какие-то 4 месяца совершенно изменилась. Раньше в ней был огонёк, клубы, выпивка, друзья, с которыми можно было шутить идиотские шутки, та же работа. Да, хотя бы и работа! А теперь я представлял жалкое зрелище – лохматый, обрюзгший мужик в заношенной вонючей одежде.

Также разительно изменился и город: улицы, на которых вчера было не протолкнуться, где машины гудели в пробках, где ходили и сорили люди, теперь были пусты. Не было ни доставки пиццы, ни круглосуточных аптек, ни уличных художников, ни попрошаек, ни мойщиков окон, ни паркуристов, ни полицейских. Люди просто взяли и исчезли, а вместе с ними и все атрибуты цивилизации. Коллапс.

При этом я знал, что я не один, что где-то есть ещё люди, до которых вирус ещё не добрался, а значит, наверняка ведётся работа по изготовлению вакцины. Страх заболеть был сильнее страха одиночества или голодной смерти. Поэтому-то я не выходил из квартиры, поэтому не ел, когда не было электричества, чтобы прокипятить нужное количество воды, которая была наверняка заразна, т.к. очистные сооружения, скорее всего, не работали.

Но мир без людей был совсем другим. Всё, что было раньше привычным, сегодня приходилось добывать с большим трудом. Я чувствовал, что остаюсь один на один со всеми трудностями новой жизни. Смешно даже звучит «новой жизни»! Слишком много позитива в этом словосочетании для описания моего существования.

Конечно же я думал! Размышлял о том, что будет завтра, когда совсем отключится электричество, когда закончатся запасы еды или когда прекратят подачу воды. Так, или иначе, мне нужно будет выйти отсюда и ехать в этот центр спасения.

Однажды ночью, когда вновь выключили свет, и всё затихло в моём огромном доме, меня разбудил страшный вой собак на улице. Я продрал глаза и подошёл к окну. Небо над западной частью города было окрашено алым. Где-то там, неподалёку бушевал пожар. Я даже мог рассмотреть облака дыма и гари, взмывавшие вверх клубами. Не давая себе в этом отчёт, я укусил себя за большой палец правой руки, да так и остался стоять, сжимая костяшку зубами, словно это помогало думать.

Если огонь будет двигаться сюда, то спастись можно будет только бегством. Рассчитывать на то, что пожар будет кем-то затушен, не приходилось. Я соображал: что лучше, остаться тут и молиться о том, чтобы огонь не пожрал весь мой дом со мною в придачу, или уже бежать на улицу, уповая на то, что не подхватю вирус. В любом случае внизу меня ждала моя машинка, которая должна была передвигаться быстрее пожара, не смотря на свой солидный возраст.

Посматривая на зарево, от волнения я даже переступал с ноги на ногу. До меня дошло, что машина может просто не завестись после нескольких месяцев простоя. Это был вполне возможный вариант.

Поборов здравый смысл, я подошёл к телефону и поднял трубку. Послышался гудок, и это уже обнадеживало. По номеру пожарной службы, никто не отвечал. То же самое и в мэрии. Бесполезно.

Я вернулся к окну. Пейзаж не менялся. Это означало, что огонь, по крайней мере, не разрастается и не идёт в мою сторону. Мне не оставалось ничего, кроме как сидеть перед окном и любоваться зловещими отблесками пожара. Цугцванг.

Когда наутро пошёл дождь, я вздохнул свободно. На месте пожара поднимался столб дыма и пара. Конечно, никто ничего не тушил. Некому и незачем.

Электричество появилось только к десяти часам утра. Тут же на плиту был поставлен ковшик воды и включен телевизор. К моему удивлению ни один канал не показывал. Возможно, телевышка была повреждена пожаром, или была отключена от питания в связи с высоким потреблением электричества. Оставалось лишь догадываться.

Вода в металлическом ковше закипела. Я бросил в неё лапшу быстрого приготовления и приправы из пакетиков, подождал, пока всё это прокипело ещё несколько минут, и только после этого, снял ковш с плитки. Есть я стал прямо из него. Этот ковшик у меня был для приготовления еды. Ещё один – для кипячения воды и заварки чая или кофе. Посуда не мылась, т.к. использовать водопроводную воду было рискованно.

С ковшом в руках я сел к компьютеру, открыл несколько пустых социальных сетей. Никто мне не писал, никому я не был нужен. На «Выживших одноклассниках» шёл вялый треп про будни выживших и бездействие правительства.

7 сентября зарядили дожди, словно они ждали, пока выгорит полгорода, чтобы окропить закопченные руины. Потоки воды шли по улицам, неся с собой мусор и всякую дрянь. Видимо сливы и коллекторы были завалены, а расчищать их было некому, вот воде и некуда было деваться. Она наполняла подвалы, подземные коммуникации, переходы.

Я сидел с чашкой кофе у монитора и переписывался с одной женщиной из Австрии. Её звали Мэдхен. Вообще было удивительно видеть в сети женщину. Давно ведь было подмечено, что женщины от новой чумы умирали первыми. Впрочем, кто мог гарантировать, что это не сбрендивший мужик, решивший виртуально «сменить пол», чтобы привлекать больше внимания.

Не успел я спросить, как там Альпы, как свет, моргнув один раз, вырубился. Я чертыхнулся и завертелся на стуле. Бывало так, что свет включали уже через несколько минут. Но не в этот раз.

Я прождал электричество весь день, кутаясь в махровый халат на диване, но подачу так и не возобновили. Меня захватила апатия. Не хотелось вставать и делать что-то. Наконец, когда совсем стемнело, чувство голода возобладало. Пересилив себя, я встал и открыл маленькую банку тушёной телятины. Поев в свете айфона, я подошёл к окну, но на улице была крошечная тьма. Ко всему прочему фонарь освещал комнату, так что в стекле виднелось лишь моя бородатая физиономия.

«Чёрт бы побрал всё это! – вырвалось у меня. – Зачем я выжил?! Чтобы так прозябать? Без моего прошлого жизнь потеряла все краски и всякий смысл.

Плюхнувшись на диван, я зарылся в гору старого барахла, которым укрывался ночью. В не отапливаемом, брошенном доме, продуваемом всеми ветрами, было довольно прохладно, не смотря на то, что было лишь начало осени.

Свет не появился и утром, и только тогда во мне стали гнездиться сомнения, а дадут ли электричество вообще? Мне не хотелось есть. Холодные консервы казались несъедобными. Я

не мог вскипятить себе воды, чтобы попить и приготовить еду. Положение моё было катастрофическим.

Утром следующего дня я проснулся рано и даже не сразу понял, что произошло. Повернувшись на бок, я смотрел на компьютер. Меня знобило, и только тут дошло – у меня была температура!

Испугавшись одной этой мысли, я подскочил. В висках застучало. Поморщившись, я встал и достал из шкафчика в ванной термометр. Минутное измерение показало неутешительный результат – 37,8 градусов.

Внутри всё похолодело и затряслось от страха. Пришёл и мой черёд! Значит, мне осталось совсем немного. С ослабевшим организмом вирус мог справиться за какую-то неделю.

Значит, всё было напрасно: все переживания и старания, закупорка квартиры, кипячение воды и прочие издевательства над собой. Я заплакал без всяких угрызений совести.

Делать было нечего. Я понимал, что нужно было ехать в этот лагерь спасения, но надежды у меня не было. Я выпил две таблетки аспирина и упал на диван, не в силах заставить себя сделать хоть что-то. Было так горько и противно, что всё окончательно потеряло смысл.

Меня грела только одна мысль, что за то время, пока я хоронился в своей конуре, было изобретено лекарство от вируса. Это заставило меня подняться, ведь если лекарство было разработано, то мне нужно было начать его приём как можно быстрее. После аспирина состояние моё немного улучшилось, я оделся потеплее, стал заматывать лицо шарфом, но потом отбросил его в сторону. К чему уже он был нужен?

После трёх месяцев, дверь моей квартиры отворилась со скрипом, который можно было принять за звук удивления. Я выглянул в тёмный подъезд. Там было очень тихо и темно. Ни звука. Дверь в соседнюю квартиру была распахнута настежь. Видимо соседи в спешке покидали свои роскошные апартаменты. Оба замка на моей двери были аккуратно закрыты, хотя в этом, по-видимому, не было нужды. Привычка.

Спускался в подземный гараж я очень медленно и тихо, прислушиваясь к каждому своему шагу, который гулко отзывался по всем площадкам.

В гараже было ещё темнее, пришлось зажечь фонарь. Тут меня ждал ещё один неприятный сюрприз – весь гараж был по щиколотку заполнен водой. Возможно, прорвало коммуникации, или просто просочилась дождевая вода. При первом же шаге, мои туфли заполнились холодной водой и отяжелели. Снова подниматься наверх, чтобы сменить обувь я посчитал глупым, так что пришлось хлюпать в промокшей обуви до своей машины. Я про себя решил, что если машина не заведётся, то вернусь поменять обувь. Однако, возвращаться не пришлось на третий раз, когда почти мёртвый аккумулятор отправлял стартеру последний заряд энергии, мотор заурчал. Через несколько минут на ноги стал дуть приятный тёплый воздух. Хотя что-то меня сегодня порадовало. В гараже было очень много машин. Видимо большинство соседей моих так никуда и не уехало. Я включил фары, затем плеер и простоял ещё минут десять, пока салон основательно не прогрелся.

Медленно, словно новичок, я вырулил из гаража на улицу. Раздумывая, какой дорогой мне поехать, я увидел неподалёку справа останки, которые портили мне вид из окна, и повернул налево.

Поездка по пустынным улицам принесла мне смешанные чувства. С одной стороны было страшно. Ведь я оставался совсем один, без помощи и без шансов на спасение. Но с другой стороны было интересно наблюдать за этими последствиями апокалипсиса. Я начинал ощущать себя сталкером, героем компьютерной игры, который охотится за артефактами, в опасных походах по зоне.

Я ехал медленно. Во-первых, на улицах повсеместно стояли брошенные машины, валялись какие-то вещи, местами на глаза попадались обезображенные трупы. Во-вторых, я смотрел на последствия отсутствия людей. Прошло всего несколько месяцев, а природа уже насту-

пала. Дороги были заметены листвой и мусором, на обочинах и на тротуаре сквозь брусчатку проросли травы. Кто бы мог подумать, что отсутствие человека скажется так скоро.

Витрины супермаркетов, магазинов и аптек, предусмотрительно закрытые хозяевами были разбиты. Внутри царил полный разгром. Практически все полки были пусты. Товары, которые не забрали люди, были разбросаны по полу. Здесь успели похозяйничать и животные.

Кое-где на улицах стояли брошенные машины с открытыми дверьми, многие из них были помяты – видимо были брошены хозяевами на пути «Валькирий». Однако везде, кроме одного проулка, мне удалось проехать без труда. Несмотря на все катаклизмы, я старался ехать аккуратно, чтобы не помять и не поцарапать свою машину.

Через десять минут пути показались дома, опалённые недавним пожаром. Перед глазами возникли страшные картины. Все здания, без исключения, были повреждены, стены почти везде до основания были покрыты сажей и копотью, стёкла в окнах полопались, рамы выгорели, крыши на деревянных перекрытиях провалились, как и межэтажные перекрытия. Пожар не пожалел ничего: сгорели все деревья, лавочки, мусорные баки и машины. Ехать по этому району было куда сложнее: дорога была засыпана обломками черепицы и шифера, стёклами и головёшками, но другой дороги в центр не было.

Площадь пожара была колоссальной, я ехал квартал за кварталом, и за это время мне на глаза попало только несколько домов, чудом уцелевших от огня.

При этом нигде не было видно ни одного человека. Город вымер. Оставалась одна надежда – лагерь жизни.

Ещё через несколько минут пути я оказался в т.н. санитарной зоне. Увы, она тоже пострадала от огня. По мере приближения к стадиону, мои надежды таяли на глазах. Здесь всё было также в запустении. Я вырулил на площадь перед стадионом и остановился. Здесь посреди стоянки со сгоревшими машинами стоял пожарный автомобиль. Он был цел, но открытые двери и размотанные шланги свидетельствовали о том, что люди бросили и его.

Большой корпус «А» спортивного комплекса был полностью уничтожен огнём. Правда, сам стадион стоял нетронутый. Я выглянул из машины, пытаюсь понять, начался ли пожар здесь и уже потом перекинулся на соседние кварталы, либо он шёл сюда с запада, и пожарным удалось остановить его здесь.

Подъехав ближе к блоку «А», я вышел из машины и осмотрелся. Ничто не говорило о том, что здесь установлен лагерь выживших. Было тихо, как у меня дома, только лёгкий ветерок нарушал общее безмолвие. «Хорошо, что есть хоть ветерок! – подумал я. – Всё не Лангольеры!»

Главный вход в здание был повреждён, так что я зашёл внутрь с торца. Ни души. В воздухе стоял запах гари. «Эй! – позвал я. – Есть кто живой?». В коридорах на полу валялись упаковки из-под лекарств, бинты, мусор, стояли медицинские кушетки и кресла-каталки.

Видимо на первом этаже были оборудованы процедурные комнаты и кабинеты для персонала. Здесь не было ни души. «Люди!» – кричал я уже во весь голос. Никто не отзывался. Идти в сгоревшую часть здания смысла не было. Вместо этого, найдя лестницу, я стал подниматься наверх. На втором этаже были жилые комнатки. Здесь стоял смрад, который не перебивала даже гарь. В коридоре, прямо возле лестницы лежал труп женщины в белом халате. Я прикрыл нос и рот платком, в животе похолодело. Нет, она не умерла от ожогов или удушья. Её измождённое тело лежало возле сестринского поста, который она не покинула до самой смерти. Тут я перестал кричать, уже опасаясь того, что кто-то отзовется. В каждой из комнат меня ждал ужаснейший «сюрприз» – мёртвые пациенты. Несчастные лежали на кушетках, на полу – везде. Я быстро вернулся к лестнице и, сделав две шага наверх, остановился. «Есть кто-нибудь живой?» – крикнул я, сложив ладони рупором. Мой крик эхом отозвался на пустых этажах здания. Я бегом вернулся вниз и стал обшаривать все кабинеты врачей в поисках заветной склянки с надписью «Панацея».

Здесь лежало два трупа в белых халатах и размороженный холодильник, в котором было две коробки с ампулами без надписей. В шкафу со стеклянными дверцами было ещё с десятков лекарств, названия которых я раньше не слышал. Как их принимать, было не понятно. Впрочем, если даже все медики были мертвы, значит, лекарства в холодильнике и шкафу были бесполезны.

Обессиленный и обречённый, я вышел на улицу и вдохнул свежего воздуха. Мне не хватало кислорода, я задыхался, из груди рвался звериный крик, рёв, но я только побрёл к своей машине.

Что мне было делать больному в пустом, обесточенном, наполовину сгоревшем городе? Если даже в санитарной зоне все отдали Богу душу, то в остальной части – и подавно!

Это означало смерть. Неизбежную скорую смерть от этой чумы, выкосившей всех вокруг. Конечно, глупо было надеяться на чудо, когда всех остальных это чудо обошло! Я и так продержался дольше других...

Мне страшно захотелось назад в свою тихую конуру. Я сел в машину, ощущая, что силы меня покидают с каждым движением. Домой я возвращался по другой дороге, и наткнулся на тёмное здание торгового комплекса. В голову пришла идея «отпраздновать» свой последний день.

В супермаркете было темно, и царил бедлам, как и в других магазинах. Бутики с дорогой одеждой, спортивным инвентарём и косметикой стояли нетронутые, зато продуктовые отделы были пусты. А я искал алкоголь.

На первом этаже алкогольный магазин был разгромлен, но я помнил, что элитный магазин спиртного был также на третьем этаже. Поднявшись по мёртвым эскалаторам, я направился к магазину. Витрина «Алкостора» была разбита, но внутри ещё оставался кое-какой товар. Спасибо прежним грабителям и на том!

Я взял корзину и полностью заполнил её бутылками, не особо разбирая в темноте какие вина, ликёры и настойки там оказались. Не знаю, может это было подсознательное желание покончить с собой... Смертельное отравление алкоголем выглядит куда лучше, чем постепенное угасание от коварной болезни.

В разорённом супермаркете внизу мне удалось найти кое-что съестное – чипсы, сгущённое молоко, семечки, сладости. Крупы я брать не стал, так как они мне уже негодились бы.

Глава 4. Утро нового дня

Утру нового дня, который для меня не наступит, предшествовал одинокий вечер. Отперев дверь, держа в руках полные сумки провизии, я вернулся в свою «уютную» квартиру.

Для царского пира все припасы были размещены в центре комнаты, прямо на круглом белом ковре с длинным кудрявыми ворсинками. С бокалом вина в руках я прошёлся по квартире, подошёл к компьютеру и включил его через UPS. Аккумулятор пищал ежеминутно, но это не имело значения, так как с выключенным экраном компьютер мог проработать на его заряде несколько часов. Вино отлично шло под любимый плейлист.

За вином последовал сладкий ликёр молочного вкуса, от которого сразу закружилась голова. Всё это я закусывал консервами, оливками, чипсами, орешками и семечками.

Вскоре моё тело стало лёгким, и в голове прояснилось. Обречённость никуда не делась, просто я стал смотреть на своё положение с высоты философских рассуждений. Моя жизнь и так продлилась на несколько месяцев больше остальных, что не так уж и плохо. Не надо было быть гением, чтобы с большой долей вероятности предположить, что вирус рано или поздно доберётся до меня. Когда-то из этого шелтера пришлось бы выбраться...

Прошло совсем немного времени, и мои мысли развернулись совершенно в другом направлении. Я стал думать о том, что ничего не успел в своей жизни, что после меня ничего не останется, что я ни потомством ни обзавёлся, не сделал ничего путного для человечества. Оказалось, что в тридцать один год очень обидно умирать! Я так расчувствовался, что пустил слезу и стал подпевать какой-то сопливой песенке.

То и дело прихлёбывая сладкого коктейля, я поглядывал на бутылку «зелёной феи». Абсент было решено оставить напоследок, как контрольный выстрел.

Приготовив сахара и лимона, хотя последний и не полагался при употреблении абсента, я откупорил бутылку. Горькая полынная настойка как-то совсем иначе подействовала на мой мозг. Разум теперь абстрагировался и от печальных мыслей. С каждым глотком сознание всё больше и больше задурманивалось, музыка становилась приятнее. В какой-то момент я даже решил потанцевать, но стоило мне встать на ноги, как всё перед глазами закружилось каруселью. Ноги сами понесли меня в сторону, потом подкосились, и моё тело грузно свалилось на пол за диваном. Меня скрутил сильнейший приступ тошноты, который я уже не в силах был сдержать, и меня вырвало.

Охая, на четвереньках я направился в ванную, где мой желудок снова и снова стремился очиститься от небывалого коктейля. Это меня не устраивало, потому, что так не получилось бы забыться навсегда, поэтому я открыл кран и подставил под него голову. Вода пошла ржавая и вонючая, но это уже не имело никакого значения. Немного освежившись, я с трудом вернулся в свой «бар». Лёжа и не двигаясь, заставил свою голову перестать кружиться и продолжил накачиваться абсентом.

Теперь с каждым глотком мне становилось всё хуже. Комната погрузилась в зелёный туман, я стал отключаться, но продолжал делать глоток за глотком из горла. Главной моей заботой было – не вырвать отраву. Не считая вина и полубутылки ликёра, я смог выпить ещё полбутылки абсента. Это был рубеж, но останавливаться было нельзя. Вдохнув несколько раз поглубже душного и терпкого воздуха, я зажмурился и каким-то образом влил в себя всё, что ещё оставалось в бутылке.

За мраком появился свет. Пронизывающий и испепеляющий свет, разносящий по атомам все клетки тела. Взрыв мозга произошёл ещё раньше. Боль была настолько сильной, что она заполнила всё пространство, как и свет.

Я открыл глаза. Мыслей не было. Перед глазами виднелась часть ковра, доски паркета, пакетик, из которого высыпались чипсы. Понять, что произошло, где нахожусь и как тут оказался, я не мог. Глазами было больно вращать, любое движение было сродни экзекуции. Натужившись и переведя взгляд правее, я увидел пустые бутылки.

Через несколько минут всё стало проясняться: алкоголь, боль, вирус... Живой...

Я поморщился от осознания случившегося и тут же скорчился от спазмов желудка. Движения вызвали боль во всём теле. Особенно отличалась голова. Я стал стонать, поворачиваясь то в одну-то в другую сторону. От любого действия становилось только хуже. Облегчали пытку только громкий вой.

Нужна была живая вода, которая находилась в недостижимой дали – на кухне. Передвигаясь по-пластунски, я ценою невероятных усилий переместился на кухню и припал к бутылке с минеральной водой. Желудок продолжал отвергать все поступления, но я был сильнее.

Мои глаза вновь открылись, когда солнце уже клонилось к закату. В пересохшем рту стоял противный привкус полыни. Громкие стоны помогли мне дойти до туалета и крана. После этого моим пристанищем стал диван, где было не так мучительно осознавать горечь своего поражения.

Алкогольное самоубийство не удалось. Я получил сильнейшее отравление, но остался жив. Словно это была чья-то насмешка. Шквал эмоций бушевал в моём недвижимом на диване теле.

Спустя несколько часов душевных и телесных страданий пришлось встать и вскипятить воды, чтобы заварить каши быстрого приготовления. Голод – не тётка.

С миской, полной каши, я открыл окно, оборвав весь скотч, который прежде так бережно приклеивал. В комнату пахнул невероятно чистый, свежий и приятный воздух. За окном была темнота. Мир спал, не тревожимый людскими проблемами.

Я долго сидел на подоконнике, глядя на поблёскивающие в чистом небе звёзды. Жив – так жив. Мало ли ещё способов?!

Утром следующего дня в моей постели проснулся совершенно другой человек. Нет, чувствовал я себя по-прежнему паршиво, вот только исчез страх заразиться. По этой причине завтрак был приготовлен уже у открытого окна. Во время готовки меня посетила сумасшедшая идея. Держа в руках корзину с соком, кашей, хлебцами, шоколадным маслом, кофе, я стал подниматься по подъездной лестнице выше и выше, пока не оказался перед дверцей, ведущей на крышу. Квартира была оставлена открытой.

Плоская крыша, залитая солнцем, походила на футбольное поле, из которого тут и там торчали трубы вентиляции. Я вышел на прорезиненное покрытие, основательно разогретое солнечными лучами. Было непривычно и приятно. На самом краю крыши, ограждённой невысоким парапетом, я расставил свой завтрак, а так как сидеть было не на чем, под стул была приспособлена принесённая корзина. Я прислонился спиной к тёплому парапету, опёрся на него локтём правой руки и закинул ноги на другую сторону ограждения. Получилось очень удобно. Дул прохладный ветерок, но кофе отлично согревал. Этот завтрак стал самым ярким событием за месяцы моего отшельничества. В голубом небе летали птицы. Мои губы даже растянулись в довольной улыбке от идеи такого завтрака. Допив сок из маленькой стеклянной бутылочки, я швырнул её вниз и захохотал, когда она где-то внизу разлетелась на осколки. Большой принц! Король планеты! Нет, император на час!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.